Надыршах Хачилаев

СПУСТИВШИЙСЯ С ГОР

16+

Надыршах Хачилаев

Спустившийся с гор

«ЛитРес: Самиздат»
1995

Хачилаев Н. М.

Спустившийся с гор / Н. М. Хачилаев — «ЛитРес: Самиздат», 1995

Эта книга представляет собой переиздание повести Надыршаха Мугадовича Хачилаева "Спустившийся с гор" (Хроника выживания), впервые изданной журнале "Октябрь", №12 за 1995 год в переводе И.Л. Волгина и снискавшей признательность широкого круга читателей. Рисунки автора.

От переводчика

Эта книга явилась как нельзя вовремя. На протяжении двух последних веков судьба Кавказа неотделима от судьбы России. Кавказ не только область романтических влечений, но и зона повышенной опасности, таящая угрозу политических, этнических и межконфессиональных «разборок». Тем важнее постигнуть ментальность этого мира изнутри, взглянуть на него глазами участника или очевидца описываемых событий. В скупой, аскетической, «дневниковой» прозе Хачилава (ее кажущаяся простота даже порождает соблазн увенчать автора лаврами «дагестанского Хемингуэя») нашли отражение драматические реалии современного Кавказа: от мощного брожения национального духа до все более усиливающегося владычества мафиозных структур и криминализации всего общества сверху донизу. (Впрочем, последнее уже не является чисто региональной особенностью.) История «спустившегося с гор» молодого героя (в журнальной публикации представлены отдельные ее эпизоды) не укладывается в рамки традиционного литературного сюжета, суть которого исчерпывалась бы сакраментальным словом «падение». Ибо, как мы догадываемся, речь здесь идет не только об этом. От внимательного читателя не укроются сокровенные смыслы этого текста, «наивность» которого лишь подчеркивает трагизм воплощенной в нем жизни.

Игорь Волгин

ВСТУПЛЕНИЕ

Один тип – в то время я даже не знал его имени, знал только, что он еврей, – рассказывал мне, что у него есть знакомая школьница, аварка лет семнадцати. Она пишет рассказы и ходит на женское дзюдо. В одном зале с ними, на соседнем татами, занимаются мужчины. Она пишет о том, как эти мужчины поглядывают на них.

–Девушка, – говорил он, – умница и особенно мастерски пишет о том, как купается под душем. Она просто любит про это писать.

Позже я узнал, что еврея зовут Эрик Семенович, а аварку – Меседу. Эрик Семенович организовал литературный кружок при Доме пионеров, а Меседу, хоть давно не пионерка, продолжает его посещать. Меседу говорит, что хотела бы освоить такой трудный стиль письма, как поток сознания. Она советовала мне завести дневник, чтобы научиться излагать свои мысли.

– Описывай какие-нибудь случаи из жизни. Пиши все как есть, все как на духу, а если попутно будет приходить в голову еще что-то интересное, записывай на полях.

Естественно, она по-своему, по-женски и даже по– детски, преподносила мне то, чему учил ее Эрик Семенович. Эрик говорил, что самая загадочная штука в жизни – это смерть. Он говорил, что молодые больше думают о смерти, чем старики. Все в мире – философия, литература, наука крутится вокруг разгадки тайны смерти. И писать нужно лишь о том, о чем невозможно не написать. Только тот миг непостижим, когда человек заканчивает свое земное бытие. Эта минута священна и торжественна, как гимн, она сладка и свежа, как утренняя песня рассвета.

Ассаламун алейкум, жители кладбища, лежащие в сторону Кибла, Мухаммеда племя. Мы обязуемся молиться за вас… Надеемся, что достойно придем к вам, когда настанет наш черед, а сейчас, пока мы живы, обещаем молиться и вести себя так, как подобает Добрым мусульманам: чтить Коран, молиться Аллаху, совершать хадж, делиться с неимущими, соблюдать пост и вести беспощадную борьбу с неверными. Какие бы трудности и испытания ни ниспослал нам Всевышний, мы обещаем выдержать их и радоваться судьбе, о Великий Аллах, Держащий в руках День Страшного суда и завесу над тайной смерти рабов Твоих – людей. Лишь одного Тебя боимся и Тебе повинуемся. Признаем лишь одну Твою власть над нами и Пророка Твоего Мухаммеда – саллаллаху алейхи салам, да умножится его племя и прославится род его во веки веков.

Аллаху масалли ала МухамаДин васаллим
би хурмати сири сурратил

ахир хайр
ахир хурмат
ахир ислам
ахир иман
Ал Патиха…

(Слово «Патиха» надо начинать с буквой «Ф», но у наших горцев в алфавите нет такой буквы, ее заменяет буква «П»)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Летом 1976 года мы чабанили на летних пастбищах в высокогорье. К нам на куш – стоянку чабанов – пришли дядя Муртуз и Габиб со своим раненым другом, которого звали Искандар. Из-за огнестрельного ранения нога у Искандара была зелено-лиловой, от него несло мертвечиной. Нога страшно вздулась, и дядя Муртуз сказал, что у раненого начинается газовая гангрена. Гости сообщили отцу, что они в бегах и надеются, что хоть сюда, к пристанищу богов и вечных снегов, не сунутся поганые менты. Отец ни о чем не спрашивал, точно его не удивило это полублатное «в бегах», сказал лишь, что они могут ни о чем не беспокоиться. Дядя Муртуз с Габибом тотчас же раскрыли множество медицинских упаковок и начали колоть Искандару противогангренную вакцину. Он лежал, растянувшись на черной чабанской бурке, не реагируя на укол, глядя в небо стеклянными безразличными глазами.

– И снова я на родине… Полно кругом света и свободы!.. Но что мне со всем этим делать? – говорил прерывистым громким шепотом Искандар.

Он перевернулся на живот, зарылся лицом в бурку.

– Его иногда начинает лихорадить – бредит, требует, чтоб ногу отрезали, – сказал отцу дядя Муртуз.

– Почему бы его в больницу не отвезти? – удивился отец.

– В больницах-то как раз нас и ждут!

– Не знаю, что вы там натворили и какие темные дела за вами числятся, но парень на глазах пропадает.

Через несколько дней, в знак уважения к моему отцу, пожилой чабан с соседнего куша – Барзулав пригласил нас в гости на хинкал. Мясо его хинкала было грубым и тугим, как каучук.

– Здесь, в высокогорье, сколько ни вари, плохо варится, – говорил добродушно старый Барзулав, глядя, как вяло жуют гости.

– Кушайте! Ешьте! – подбадривал он время от времени. – У меня-то и зубов уж нету, а вы молодые!

Когда гости совсем перестали есть мясо, а брали один лишь хинкал, Барзулав сказал, что это мясо старого его коня, который лет двадцать служил ему и в летнюю жару, и в зимнюю стужу.

– Еле двигался и хромал бедолага, пришлось зарезать, – пояснял старик тем же добродушным тоном, и глаза его суетливо забегали.

После этих слов помрачневшие гости и вовсе жевать перестали. Вдруг этот раненый поганец Искандар поднялся опираясь рукой на плечо Габиба, и презрительным тоном, впрочем, выдающим больного, выпалил пожилому чабану:

– Эй, а вам не кажется, что вы едите мясо своего друга?

Наступила тишина. Все обомлели, молча переглядываясь. У отца от недоумения губы стали бескровными, бледными. Он сурово уставился на Муртуза и Габиба. Те поспешили увести своего друга обратно на куш.

– Вот она, моя родина, страна хвастунов и людоедов!– орал, уходя, Искандар.

Дядя Муртуз ладонью зажимал ему рот, но Искандар энергично мотал головой и что-то выкрикивал по– русски. Наша стоянка была за горой, ее отделял глубокий, густой зеленью

поросший овраг. Слышно было, как гости сорвались с тропинки и шумно съехали вниз, пытаясь удержать тяжелого Искандара. Они благополучно приземлились в густой траве и там ругались между собой. Когда мы с отцом вернулись на куш, наступали сумерки, и чабаны с белыми отарами блеющих овец спускались по черной, как ночь, земле Дультидага. Ночи в ущельях бывают черными-черными, и иногда кажется, что белые отары овец парят в воздухе. В это время Муртуз с Габибом закутывали в бурку Искандара, которого знобило и колотило, как в горячке. Он тихо, тем же раздраженным, болезненным тоном говорил Муртузу, чтобы тот не доверял никому. Что даже среди чабанов могут быть доносчики и стукачи.

– И вообще, – сказал он, уже успокоившись, – моим другом не может быть человек, не способный на убийство!

Дядя Муртуз, как бы убаюкивая, говорил ему только: «Хорошо, хорошо!» – и во всем соглашался. Я пытался вникнуть в смысл сказанных Искандаром слов. Я не понимал, почему он так говорит, и решил, что это бред больного. Когда я заснул, мне снилось, что я хотел убить своего друга, но мне это не удалось. Я лишь ранил его, как думал, смертельно, но от желания жить в нем появилось так много силы, что он смог увернуться от второго удара. Друг ушел от меня раненым зверем, хрипя и отфыркиваясь кровью, счастливый, что уцелел. Он оставлял следы крови за собой, и от его крови пахло ядовитым запахом смерти. Утром, как всегда, отец разбудил меня рано. Рассветало. Тишина, небо сизое, как раскрытое крыло голубя. Я взял ведра и пошел за водой к роднику, что спрятался глубоко в овраге. Проходя мимо Искандара, взглянул на него. Он спал беззвучно и безмятежно, как ребенок, – с открытым ртом. Десны его были бледно-фиолетовыми, а зубы – редкими. Между ними белесо виднелось застрявшее мясо вчерашнего хинкала. Мне показалось, что у него опухла не только нога, но и сам он был каким-то распухшим. Хотя дышал он негромко, в груди у него что-то хрипело, пенилось и лопалось, словно тысячи маленьких пузырьков. Спускаясь в овраг, я еще сверху увидел родник. В темной его глубине, среди мрачно-зеленой растительности, как в зеркале, отражалось небо. Горы, те, что повыше, были голыми и черными. На них лежали черные языки тающих и ползущих вниз ледников. Спустившись к роднику, стоя в мокрой траве, что была мне по пояс, я смотрел в воду и видел небо словно сквозь толщу земли, по ту ее сторону. В это время там пролетал орел. Листья лопуха вокруг родника были большие, словно уши слона. Когда я поднялся обратно на куш, первые лучи солнца уже играли на холодных скалах двух пятитысячников – Па-Баку и Валиял. Проснувшиеся бараны кряхтели и кашляли, как старые чабаны. Искандар под буркой лежал вздутый и неподвижный, как труп. Старые чабаны совершали ритуальное омовение к утренней молитве. Некоторые бараны, приученные к мучному, любимчики чабанов, вплотную подошли к кушу. В трех шагах – там, где мы ложимся спать в бурках, – сплошной слой овечьего навоза. Он подсох и совсем не воняет. Старые чабаны любят спать там. Им мы топим очаг, на нем варим хинкал. Сложа руки на животе у пупка, чабаны встали на утренний намаз. Они похожи на грифов – горбоносые, вытянутые, сухие. Время от времени поднимают ладони на уровень ушей и вслух говорят: «Аллаху акбар!». Потом сгибаются, снова выпрямляются, снова сгибаются, опускаются на колени, падают ниц, касаются лбом молитвенника – и так три раза. Волоча за собою холодные фиолетовые тени, отец и дядя Муртуз спускались по только что озаренному солнцем склону. Отец, шедший впереди, при какой-то фразе дяди Муртуза вдруг так резко обернулся, что Муртуз чуть не наскочил на него. То ли от утреннего солнца, то ли от нахлынувшей в голову крови, лицо отца стало багровым. Он переложил здоровенную чабанскую палку из правой руки в левую (отец – левша), но не ударил. Они сели на склоне горы и долго молчали. Потом, вставая, дядя Муртуз сказал, что хоть он и не хочет снова заводить этот разговор, но обида у него есть. Он сильно обижен. Эта обида останется с ним, и, мол, не следует ждать от него тех отношений, какие бывают между родственными людьми.

– Родственники называются! Тем более близкие родственники!.. Мне, черт побери, поговорить не с кем, мне, может, хочется пооткровенничать, душу излить… Может, мать его, хочется, чтобы кто-нибудь пожалел меня, а тут вместо родства одно ожесточение и ненависть.

– Ты лучше вспомни, сколько ты бед принес семье! За что тебя любить и лелеять? Это сейчас ты малость подустал, да и годы уж не те…

– Махач, давай лучше прекратим, мы снова начинаем… А то я не отвечаю за себя! – оборвал отца Муртуз и пошел к Искандару.

Он осторожно, как это может сделать человек близкий, потрогал тыльной стороной ладони лоб больного, пощупал пульс и снова укрыл его. Потом Муртуз подошел ко мне, крепко схватил за плечи и усадил рядом с собой. Я сидел неподвижно, стараясь, чтобы не было слышно моего дыхания. Я чувствовал: дяде Муртузу очень важно сейчас, чтобы я был рядом. Я сидел чуть впереди, и не были видны только его руки – здоровенные лапы, покрытые ветвями вздутых вен. Не зря его называли «мужчина-конь». Отец рядом с ним выглядел низкорослым. Дядя Муртуз сказал, что в нашей семье я с ним одной породы и что он очень беспокоится за меня.

– Главное – чтоб ты не повторил моих ошибок, – сказал он, похлопав меня по плечу.

Прошла неделя. Мы обжили гору. Высохла трава на месте расположения нашего куша. Невдалеке подсох слой овечьего навоза: неправильный круг словно заасфальтирован сверху плотным слоем кизяка. Покрасневшие, задубелые от горного солнца и воздуха лица чабанов. Лицо и шея до воротника, руки до запястья, где застегивают рукав, – красные, почти бурые. По утрам, только проснувшись, средних лет чабан по имени Ассаб ловит в еще сонной отаре козлят и ягнят, кусает им уши. Козлята визжат, вырываясь из рук, а ягнята плачут, как дети. Ассаб, радуясь, гогочет им вслед. Чабаны находят его проделки бестолковыми и ругают его. Искандар по-русски назвал его «козлом» и обещал порвать ему пасть. Ассаб улыбнулся Искандару. Наверно, не совсем понял, что тот имел в виду.

– Все-таки они добрее и чище нас, – сказал, глядя на Ассаба, дядя Муртуз. – Они, как пророки.

– Пророки, братан, прошли все страдания жизни. Они брали их на себя. Они могли понять причину беды и подсказать выход. Вот кто такие пророки, братан. Ты не сравнивай этих тупорылых лентяев с ними, – сквозь зубы проговорил Искандар.

Дядя Муртуз обиделся и отругал Искандара. Он сказал, что эти тупорылые лентяи приняли их и заботятся, как могут. Искандар отвечал,что остается при своем мнении. Скотоводческие народы всегда агрессивнее земледельческих: частое употребление мяса вызывает воинственность. По нашим чабанам, однако, этого не скажешь. В последнее время мяса в хинкале становится все меньше. Чабаны начали жадничать. Искандар говорит, что они лентяи, трусы и жмоты. Старый чабан Кунма готовится к обеденному омовению. Он снял сапоги, развернул портянки. Указательным пальцем ковыряется между разомлевшими пальцами правой ноги. Подносит палец к носу, нюхает, потом резко отводит в сторону.

– Говорят, эти русские сильно обижаются, когда в их дом заглядывают через окна? – вдруг спросил Кунма дядю Муртуза.

– Наверно. Кому это приятно? – пожал плечами дядя.

– М-да-а… Говорят, они очень капризные, эти русские! – Кунма, морщась, зевает, раскрыв пасть с полопавшимися облезлыми губами.

В трещинах губы у него белые, бескровные. От разреженного воздуха нос у Кунмы большой и вздутый.

– Капризные, но не очень, – лениво взглянул на Кунму дядя Муртуз.

Искандар, полулежа, молча улыбался. Его лицо было ясным, как у младенца. В последнее время он рассказывал сны и часто бредил. Ему виделось, как по снежному склону Валиял спускается табун ярко-красных скакунов. Разгоряченные, взмыленные кони несутся вниз галопом,

поднимая в воздух миллионы кристалликов прошлогоднего снега. Порой в забытьи Искандар толковал о войне и сражениях.

– Не к добру этот человек у нас на куше, – сказал Арчиял Кади, чабан с безгубым ртом, в углу которого всегда торчит потухшая сигарета.

– Лентяи… как пить дать, лентяи! Тысячелетиями чабаны здесь – и не построить ни единого дома, не обустроить быт, даже топлива не запасти, – как бы разговаривая сам с собой, устало бормотал Искандар. – А он решил их с пророками сравнивать… Муртуз! – заревел он вдруг, поднимаясь. – Муртуз!

– Да успокойся ты, бес! Разорался тут! – улыбаясь, как ребенку, Муртуз помог Искандару подняться на ноги.

– Пророки, братан, – это не наши чабаны, возлюбившие рабство вольного труда. Это люди, причастные к высшей истине, которая недоступна нашему разумению.

– Искандар, что это с тобой происходит? Откровения какие-то… – Дядя Муртуз подхватил Искандара под мышки.

Я не знаю, как выдерживал Муртуз: от Искандара несло запахом разлагающегося, смердящего мяса. На горы осели беспросветные, хмурые облака. Пошел мелкий, моросящий дождь, и казалось, что не будет ему конца. Из оврагов спустился ползучий шершавый туман. Полудревесные корни травы кюллу намокли, и уже нечем было топить очаг. Ночью некоторые чабаны украдкой сосали сахар или конфеты. Свои сладости каждый держал в тайнике. Я находил их и потихоньку воровал. Мне казалось, что чабаны поглядывают на меня с подозрением. Они прибегали к разным уловкам: перепрятывали конфеты и ставили скрытые метки. Я разгадывал эти знаки и, вроде бы, не оставлял следов для подозрений. Некоторые чабаны ругали моего отца: почему он редко привозит что-нибудь сладкое сыну? Отец отвечал, что мужчине не к лицу употреблять много сладостей. Арчиял Кади сказал, что, если позволять ребенку воровать по мелочам, он, повзрослев, возьмется за крупое. В назидание Арчиял Кади даже поведал притчу, каксын-воришка перед казнью откусил язык своей матери, которая в детстве дозволяла ему воровать. Отец меня ругал, но не бил. Он говорил, что самое большое его достояние – честное имя. Он говорил, что за всю свою жизнь не украл даже яблока из колхозного сада.

– О Аллах, за что Ты мне шлешь столько страданий, ведь я исполняю каждое Твое предписание! – слышал я иногда после молитвы вставленные в «Дуа» слова моего отца. На душе становилось тревожно, и смутно. За что должен страдать отец? Вроде он живет не так, как дядя Муртуз. Иные слова в молитве отца меня возмущали. – Твой покорный раб! – говорил он, прося о пощаде, о снисхождении, о благополучии, покое и радости для всей семьи, для рода нашего и для нации нашей. Он просил отогнать от нас беды и войну. Отец особенно страшился какой-то, непонятной для меня, войны, он перечислял все дурные последствия ее и просил Всевышнего о ее отсрочке. Отец ругал меня, если во время «Дуа» я не говорил «Амин», держа руки перед собой. Он терпеть не мог моего упрямства и считал мои дурные наклонности (в том числе воровство) наследием крови материнского рода. Дядя Муртуз как-то сказал, что не понимает отца; как тот носит партбилет, исправно платит членские взносы и отчаянно молится Аллаху– таале. Он называл отца странным типом. За это я крыл дядю Муртуза матом и даже пробовал кидаться в него камнями.

– Ах ты, дурачок, узнаю тебя, сопляка, – говорил он тогда, похлопывая меня по шее и теребя мою шевелюру. Он с гордостью напоминал мне о знатности нашего воинского рода, о нашем наследственном свойстве – не думать о последствиях в момент опасности. Дядя Муртуз с особенной нежностью упоминал о бешеной крови, которая течет в наших жилах и которая досталась нам от наших воинственных предков. Дядя уверял меня, что мы должны гордиться этим благороднейшим даром, отличающим нас от других, обыкновенных людей, У него появился налет загара на лице, щеки стали сухими, красными, и четче обозначились контуры небритой бурой щетины. В эти дождливые дни мы спали в бурках, хотя на других кушах встре-

чались палатки, вмещавшие целую бригаду. Моя бурка была старая, дырявая, и ночью, особенно под утро, у меня мерзли ноги и промокал бок, на котором я лежал. Приходилось подниматься и переворачиваться на другой. Иногда дождевая вода просачивалась к шее,а оттуда – к затылку и на спину. Я часто вспоминал наш застекленный уютный балкон с коврами, кровать с простынями, душистый хлеб, золотистые поспевшие абрикосы и веселый гомон ребят на запрудах горных речушек. К нам на куш пришла русская семья – отец, мать и дочка. Они каждый год прилетают сюда на вертолете. Отец – молодой профессор, крупный ученый – знал тут всех. Звали его Геннадий Михайлович, а чабаны – просто Гена. В первые дни мы ели их консервы, но потом и они кончились. Дочь профессора Галина, белая, стройная, в простом летнем платье с открытыми плечами, улыбалась всем. В день приезда она с восторженным визгом кинулась на шею Иллару – конопатому рыжему пацану, сыну старого чабана Кунмы. Иллар топтался на месте, смущенно улыбаясь и отводя глаза. Галина спрашивала, получал ли он ее письма и почему не отвечал. Иллар до того стеснялся, что даже сквозь плотный загар видно было, как он покраснел.

– Охо-хо-хо!! – восклицал Габиб, глядя на них. Все дни после прихода на куш русская семья усердно ухаживала за раненым Искандаром.

– Пропадет парень, на глазах пропадает! – с горечью говорил профессор моему отцу и дяде Муртузу. – Немедля в районный центр, или где там у вас больница… Хорошие врачи нужны. Еще несколько дней – и гангрена может перейти в кровь.

Ночь , когда Искандару становилось хуже и он начинал стонать, дочь и жена профессора покидали свою палатку и не отходили от больного, пока он не успокоится и не заснет. Я видел, как жадно смотрел Габиб на Галинины стройные загорелые ноги, когда она наклонялась ухаживая за больным. На четвертые сутки после начала дождя Искандара стало знобить и лихорадить. Геннадий Михайлович забрал его к себе в палатку.

– Я сам еще живой, но какие-то части моего тела уже мертвые. Я чувствую, как умирает клетка за клеткой, – говорил Искандар дяде Муртузу.

Я тоже зашел в палатку согреться от дождя. В палатке было уютно и спокойно. Но смердящий запах разлагающейся ноги Искандара заполнил ее. От этой вони было неудобно перед русскими.

– Не бери в голову, – успокаивал больного Муртуз. – Через день мы отправляемся в Кумух, в больницу.

– Сорок километров горной дороги!.. Не будем обманывать себя. Я пока еще живой, но тело почти умерло… – Голос Искандара чуть не сорвался, но он сумел совладать с собой.

– Не говори так! Я тебе клянусь… – начал было дядя Муртуз, но больной перебил его:

– Я ни в чем не виню вас!.. Братан, я должен был тебе сказать правду. Можно было успеть с самого начала, когда мы проезжали мимо всех горных центров, где есть больницы. Тогда еще не было поздно, а сейчас уже поздно. Клянусь, я не буду мужчиной, если хоть в чем– нибудь упрекну вас… – Искандар запнулся. Ему трудно было говорить.

Я сидел позади дяди Муртуза и не видел их лиц, но слышал, как они тяжело вздыхают. Спина дяди грузно вздымалась.

– Черт побери, мне аплодировали в Кракове, Мюнхене, Мадриде за мои победы на ковре. Осталось слегать за океан в Америку, и на тебе – постель… Я больной, какой кайф. Муртуз, что ты скажешь? Мой дядя виновато молчал. Дождь непрерывно хлестал, стуча мелкой дробью по плотному брезенту палатки. Природа оставалась глуха и безжалостна к человеческим страданиям. – Какие прекрасные люди это русское семейство! вдруг, повеселев, совсем по-ребячьи сказал Искандар. – Мне приятны ее прикосновения, я всегда жду ее. Она прелестна и свежа, ей никак не дашь ее годы. – Искандар говорил о жене профессора. Он попытался приподняться на локтях. Дядя Муртуз поддерживал его и только просил не волноваться.

– Раз она так близко наклонилась, что щекою коснулась моего лица… Я бы попросил ее поцеловать меня, но она замужем! А муж ее тут, и он хороший человек. Я попросил бы ее поцеловать меня – она, наверно, не откажет… Но ведь ни один пророк об этом просить бы не стал! Когда мы вышли из палатки, я первым делом глотнул свежего, пахнущего ароматами альпийских лугов и запахом сырой земли воздуха. Стало легко и свободно, будто я вышел из глубокого душного подземелья. Дядя Муртуз тяжело вздыхал и мотал головой.

–Мы должны были сразу повезти его в больницу, – мрачно бросил он Габибу.

–Во-первых, менты шли по пятам, а во-вторых, больницы были предупреждены – нас сразу кинули бы в тюрьму, – начал Габиб.

–Все равно мы поступили, как трусы. Такого парня сгубили…

–Не говори так, Муртуз. Гале дали новую чабанскую бурку. Оказывается, у бригадира всегда есть запас. Мне стало обидно за свою – дырявую, с облезлыми краями. Иллар научил Галю, как надо заворачиваться в бурку. Завернувшись так, что обозначились округлые очертания ее бедер, девушка улеглась рядом с Илларом.

– Надо же! – говорил дяде Муртузу Габиб. – Такая девушка чмошнику досталась.

Утром, несмотря на хмурую погоду, Галина громко шутила с Илларом. Он стеснялся, отвечал ей шепотом, с трудом подбирая и выговаривая русские слова.

– Ты о чем так храпел мне на ухо? – весело допрашивала Иллара девушка. Он лишь что-то мямлил в ответ.

– Да, вот такие они все, эти тихушники! Что трусят вслух сказать, бесстрашно храпят во сне! – громко вставил Габиб.

Галина, вопросительно улыбнувшись, ничего не ответила.

– Зачем ты так при ней говоришь? – по-лакски спросил Габиба Иллар. Кадык у него на горле передернулся, и он сильно побледнел.

– Да пошел ты, дурачок! – по-русски ответил Габиб. Он усмехнулся и оценивающе посмотрел на молодого парня.

Я стоял позади Габиба. Даже сквозь мокрую бурку видны были контуры его мощной атлетической спины. Иллар снял вымокшую папаху, встряхнул ее – так собака, выйдя из воды, встряхивает всем телом, и брызги от ее шерсти летят веером в стороны – и в растерянности снова надел.

– За эти слова я тебя все равно так не оставлю, – вдруг по-русски сказал Иллар. Видно было, каких усилий ему стоило произнести эти слова.

– Ты не тот мужчина, который может говорить со мной,– небрежно похлопал Иллара по плечу Габиб.

Наблюдавший эту сцену дядя Муртуз обругал Габиба – назвал его безмозглым быком и бестолковым бараном.

К полудню Геннадий Михайлович привел на куш районного ветеринарного врача – специалиста по отгонному животноводству, чтобы тот осмотрел больного и сделал перевязку. Врач в желтом непромокаемом плаще с капюшоном ехал на коне, а профессор плелся за ним пешком. Он был в брезентовом плаще без капюшона и в папахе. Только очки и свежевыбритое лицо выдавали в нем горожанина-интеллигента. У ветврача под плащом была военных времен гимнастерка, а сбоку, на портупее, висела командирская кожаная сумка. Он зашел в палатку, осмотрел больного, вышел на воздух, прищуренно, сквозь моросящий дождь, окинул взглядом куш и наотрез отказался оказывать помощь Искандару, пока не удостоверится в личности больного и других, присутствующих тут, подозрительных лиц. Не слушая, что говорили ему мой отец Геннадий Михайлович, Кунма, Арчиял Кади, врач прикрыл полой плаща командирскую сумку, сделал какие-то записи, сел на коня и уехал, медленно исчезая в моросящей штриховке дождя и и серой дымке точно навсегда застрявшего здесь тумана. Чабаны ругались и плевали вслед ветврачу.

– Откуда ты выкопал этого гада? – спросил дядя Муртуз. Геннадий Михайлович нахмурился и ничего не отвеТИЛ. Послышались стоны из профессорской палатки. Искандар требовал, чтобы его вынесли под дождь. Он кричал, что хочет видеть Божий свет. Хотя профессор был категорически против, дядя Муртуз с Габибом вымыли больного. Он лежал, накрытый желтым клеенчатым плащом. Отказался от навеса, который мы хотели соорудить над ним из палок и бурки. Дождь хлестал его по белому, бескровному лицу и мокрым волосам. Он улыбался и радовался чему-то.

– Зеленая трава! – медленно произнес он. Потом, подняв руку, голую по локоть, тихо добавил: – Нежное тело дождя-матери! Рука, обессилев, упала на бурку. Губы Искандара безмолвно что-то шептали. Он заметил Галину и смотрел на нее просветленными, как дождевые капли, глазами. Чабаны во главе с профессором дружно решили, что Искандара немедля надо везти через перевал, в районную больницу.

– Хотя, вряд ли это поможет, – сокрушенно сказал профессор.– А жаль, умный парень.

Искандар попросил воды и хлеба. Воду ему дали, а хлеба не было.

– Что есть нечего – это даже хорошо. Голодом болезни лечат, – бодро сказал профессор.

– Какая обидная штука получается! – вдруг снова заговорил Искандар. – Жизнь кажется особенно желанной и сладкой, когда теряешь здоровье… способность нормально жить… Чем внезапней и горше твое горе, тем сильнее хочется жить…

Он откинул плащ и попытался подняться с носилок, сделанных из карликовых березок – единственных деревьев, растущих в этих краях. Дядя Муртуз с Габибом снова его уложили и занесли в палатку, он шумно сопротивлялся. Дождь становился холоднее. Иногда из туманных ущелий плаксиво завывал и кашлял шакал. Чабаны вместе с Геннадием Михайловичем готовились к отправке раненого в больницу: мастерили носилки, которые можно подвесить между двумя лошадьми. К вечеру приехал ветврач с двумя молодыми парнями. Ветврач начал допрашивать моего отца: кто эти люди, что с ними такое случилось? Отец выслушивал вопросы, поглядывая на рвущихся в бой Муртуза и Габиба и стараясь усмирить их суровым взглядом своих пепельных глаз. Потом, выдержав паузу, он покряхтел в кулак и сказал, что честно прожил жизнь и ответ за свои дела будет держать только перед одним Всевышним, а не перед каким-то проходимцем, отказавшим в помощи больному человеку. Ветврача такой ответ сильно рассердил, он сказал, что с отца спрос будет, как с коммуниста, на партийном бюро. Он продолжал угрожать, садясь на коня и уже поставив ногу в седельное стремя. Но тут отец уже не смог удержать Габиба и Муртуза, и те бросились бить врача. Двое сопровождавших врача парней поспешили ему на выручку – заодно досталось и им. Конь ветврача испугался и, шарахнувшись в сторону, поволок хозяина, нога которого застряла в стремени седла. Конь поскакал по тропинке, ведшей к ущелью, и скрылся в тумане. Его искали почти до полуночи. Чабаны вернулись разводя руками, испачканные грязью, измученные. Лил безжалостный дождь. Мучительная ночь была долгой и холодной. Издалека, откуда-то снизу, доносился клокочущий рев горной реки. В эту ночь особенно неприятны были завывания шакалов. Утро наступало томительно долго. Даже видавшие вид чабаны, проснувшись, ахнули. Везде, где из-за тумана виднелись горы, было белым-бело. Выпал снег! Хрустя по свежему насту, пришел гонец с соседнего куша. Это был сын Барзулава. Он сообщил, что ветврача, полуживого, конь притащил на родной куш. Парень еще добавил, что там собралось много возмущенного люда: в случившемся все обвиняют Махача – моего отца. Они пришли бы сюда, если бы не холода. Мой отец поблагодарил молодого чабана и, когда тот собрался в обратный путь, дал ему кусочек сушеного мяса. Весь просторный каньон Дультирата заполнился протяжным блеяньем голодных овечьих отар. Снег продолжал сыпать. Чабаны ворчали и на чем свет стоит кляли непогоду. Только одна Галина весело взвизгивала:

– Снег! Какой класс!

Приготовив коней и носилки, Габиб с Муртузом вынесли Искандара. Сопровождать их должен был знаток здешних гор Арчиял Кади. Когда чабаны начали читать дорожную молитву, Иллар, совершенно некстати, подошел к Габибу и на ломаном русском языке вызвал его драться один на один. Этот вызов был настолько неуместен, что все – кто с гневом, кто с удивлением – взглянули на Иллара. Все, кроме его отца Кунмы. Мой отец, Арчиял Кади и Геннадий Михайлович остановились как вкопанные. Всем своим видом они как бы спрашивали: «Что за бред?»

– Я своего сына на родниковой воде и на свежем мясе растил не для того, чтобы безродные оскорбляли его,– с угрозою в голосе заговорил Кунма.

Доселе дряхлый и невзрачный старик выпрямился во весь рост, на голове его высилась папаха с клеенчатым верхом. Произошла заминка. Все стояли в молчании. Габиб начал было говорить, что он разорвет хоть десятерых таких, как Иллар, но Муртуз грубо приказал ему заткнуться. Вдруг Иллар замахнулся на Габиба палкой. Тот среагировал молниеносно: с такой бешеной силой вырвал палку (тут же сломав ее о колено), что Иллар чуть было не клюнул носом в грязь. Мой отец сопел от возмущения и ругал Кунму, говоря, что тот нарочно все это подстроил. Кунма сказал, что у него одиннадцать сыновей и свыше пятидесяти двоюродных братьев, которые смогут собраться в нужном месте, если Габиб не извинится перед его сыном.

– Никогда! Тем более после таких слов, – немедленно отозвался Габиб.

Все попрощались с Искандером и его спутниками и пожелали им доброго пути – все, кроме Кунмы и его сына. Я провожал взглядом качающуюся в седле спину дяди Муртуза. Между его конем и конем Арчиял Кади были устроены носилки с Искандером. Когда больше уже не надо было заботиться о больном и все время переживать за него, муки голода вновь напомнили о себе. У сторожевых овчарок и кушевских волкодавов тоже не было сил ходить за отарами, и они стояли, как мокрые курицы, сиротливо глядя на своих хозяев. Старшие решили спуститься на ту сторону Кавказского хребта, где на границе Грузии с Азербайджаном расположились аулы цахуров и аварцев. Они могли по старой дружбе поделиться с нами хлебом и топливом. Глава вторая Голодные стада овец, словно взбесившиеся, блеяли и носились по снежным отрогам гор. Они, как беззубые драконы, от голода кусали друг другу уши и обрывали их маленькими кусочками. Бараны сами измазались кровью, и на свежем снегу оставались тонкие струйки крови. Спускаясь на ту сторону Кавказского хребта, мы шли по древней скалистой тропинке, по которой Европа общалась с Азией. Так сказал нам Геннадий Михайлович. В каменистых темных ущельях было туманно, словно там затаилась тьма веков. Цокот железных подков наших лошадей гулким эхом отдавался в скалах. Спускаясь по серпантину каменной тропы, мы видели, как редеет туман. Погода здесь была мягче, снег давно остался позади. Геннадий Михайлович рассказывал, что в этих местах наши мусульмане истребили последних христиан-горцев. Многие из выживших отступили в Грузию. Геннадий Михайлович сказал, что в этих скалах окаменело эхо истории. На одном из перевалов мы остановились отдохнуть и попить воды. Я решил пройтись и вышел в узкое каменное ущелье. За мной последовала Галина. Слыша за спиной ее упругие шаги, я заволновался. Она мне нравилась, хоть и была старше. Каково было мое удивление, когда передо мной вдруг открылся ряд чеканно высеченных в скале, круто ведущих вверх ступеней. В этом диком краю они производили впечатление чуда. Подоспевшая следом за мной Галя так и зашлась от восторга. Я почувствовал, как она дышит мне в затылок. Позабыв о бессилии голода,я понесся вверх по ступеням. Они стремительно уходили все выше и выше. То ли оттого, что из моего рта вырывалось облачко белого пара, то ли оттого, что эхо в скалах повторяло звук моего дыхания, мне чудилось, что впереди бежит какое-то невидимое существо. Живое, легкое и воздушное. На вершине салы, на маленькой площадке было высеченное из цельного камня христианское святилище. Я вошел в него, затаив дыхание. Чисто тесаные каменные стены освещались двумя тоненькими свечами. Их словно только что зажег какой-то праведный дух, бежавший впереди меня. Между свечами

помещался образок христианского бога Исы. В святилище было чисто и покойно. Постояв, мы с Галиной молча повернули обратно. Казалось, будто за нами следят невидимые, но добрые существа – неприхотливые жители этих скалистых отрогов. Старший чабан Ассаб – проводник, взявшийся довести нас до Верхнего Кусура, – накричал и на меня, и на Галину. Он говорил, что здесь каждый шаг в сторону от тропы означает смерть. Здесь, помимо всего прочего, водятся джинны, потому эти горы так безлюдны. На следующееутро мы достигли Верхнего Кусура. Обессилевших от голода, нас там встретили радушно. Старики знали моего отца и спрашивали про него. Ассаб торговался с местными жителями: сколько голов овец мы будем им давать за один чувал хлеба. Он, вроде, без труда договорился с ними. Набрав несколько мешков свежеиспеченного хлеба и два хурджина сухого кизяка, мы тут же отправились в обратную дорогу. Несмотря на усталость, на обратном пути Галина достойно держалась в седле. Она ехала рядом с отцом и тихо переговаривалась с ним. Русские уже не улыбались, они, видимо, наелись экзотики досыта. Они устали от дождя, от хмурых гор и от черствых, небритых физиономий горцев. Вернувшись на куш, мы обнаружили, что снег перестал сыпать, туман рассеялся и сквозь облака стали проступать лоскуты голубого неба. Снег еще не растаял, но кое-где черными пятнами уныло выглядывали щебенистая земля и мокрые скалистые отроги гор. Стада баранов, точно войско на поле битвы после бомбежки, разбрелись врассыпную по горам. Появление свежего, душистого хлеба и только что разведенный из привозного кизяка огонь – эта двойная радость была омрачена новой вестью. Пришел гонец из-за перевала Лаказан и сообщил отцу, что умер Искандар. Вернее, не умер, а погиб. Гонец еще сообщил, что перед смертью Искандар произносил имя какой-то русской женщины. На перевале Лаказан Искандар отвлек внимание дяди Муртуза и бросился в пропасть. Отец немедля оседлал коней, и мы с ним тронулись в путь. Впереди, в темной пасти ночи, белесо улыбались костлявые челюсти далеких снежных отрогов. Лишь под утро, усталые от напряжения и бессонницы, мы добрались до места, где ждали нас дядя Муртуз, Габиб и Арчиял Кади. Свежий утренний туман клубился в глубоких впадинах и застилал горы. Муртуз сказал, что Искандара похоронили вчера, могила находится на холме среди березок. Когда они поднялись на перевал Лаказан, рассказывал Муртуз, Искандар снова начал бредить табуном красных копой. – Он так явственно описывал этих разгоряченных коней, что мы начали взглядом искать их на открытых склонах. Как только мы отвлеклись, Искандар поднялся на носилках и прыгнул вниз якобы за ними. На труп невозможно было глядеть, так сильно он был обезображен. Несмотря на густой, липкий туман, Муртуз повел нас к могиле. Когда мы поднимались на холм, нам навстречу из тумана, как призраки, выступали силуэты деревьев. Все было тихо, липкий туман шуршал, касаясь лица, и будто мелкими пузырьками лопался у ушей. Он словно что-то нежно нашептывал. Когда мы достигли вершины холма, выглянуло солнце, и туман начал медленно таять. Из рассеивающейся дымки стал проглядывать камень у надгробия Искандара. Мы отдали салам покойнику, стали полукругом и прочитали Алхам. Отец произнес:

– Если были у покойника долги, прошу о них сказать, а ближайшие друзья и родственники должны их оплатить. Отец сказал, что нельзя оставлять за покойником долги: это тяжкий грех для него!

Он также призвал не держать на покойника обиды и просил прощения ему у каждого присутствующего поочередно.

– Был ли покойный Искандар благочестивым мусульманином? – продолжал спрашивать отец у дяди Муртуза, как ближайшего друга.

– Не знаю, – как-то бестолково ответил дядя.

– Как не знаешь?

– Ну, как тебе сказать… – Быть благочестивым мусульманином – это не только читать Коран, молиться. Это поведение и поступки тоже. – Не знаю каким мусульманином, но он был настоящим мужчиной и отчаянным другом! – нашелся дядя Муртуз.

Хотя видно было, что отцу ответ не очень понравился, он совершил кулху и пожелал покойнику рая. Отец как-то сильно помрачнел. Видимо, на него разом навалились напряжение и усталость последних дней. Сетчатые морщины на его лице стали более глубокими, а выцветшие желтые усы и седоватая щетина еще более старили его. Мне показалось, что, кроме уважения к его морщинам, у меня нет никакой нежности к отцу. Серебристое утро высокогорья дрожало, словно звуки нежной флейты. На лицо отца легла густая тень кудлатой папахи. Он сказал, что почему-то эта смерть его задела, как никакая прежде. Хоть Искандар не был ему ни другом, ни родичем, эта смерть потрясла его. Потом добавил, что Искандар не цеплялся за жизнь и не сопротивлялся смерти. Дядя Муртуз вмешался, сказав, что у покойного остались враги и за него нужно будет мстить.

– Ты хоть сейчас не лезь! Не порти память о нем своим уголовным прошлым и будущим,– перебил отец.

Дядя ничего не ответил, не стал спорить, но взглянул на отца тяжело и сурово. Отец плеснул воду из родника себе в лицо, помочил затылок, совершил омовение и встал на бурку в молитвенной позе.

– Астапируллах, астапируллах, астапируллах, – начал он полушепотом.

– И чего он корчит из себя? – заворчал Муртуз. – От страха не знает, кем стать: коммунистом или исламистом, и в итоге ни то ни се. И ты не строй рожу, сопляк! Ишь, хмурится тут! – рявкнул на меня дядя.

Я выругался и нагнулся было за камнем, но дядя Муртуз сильной рукой поднял меня за шкирку и поставил рядом с собой. Совершая «Дуа», отец вновь повторил, что мы рабы Аллаха, что Аллах вновь явил власть смерти над человеком. Отец просил помощи у Аллаха, чтобы не заблудиться и не обмануться. Он говорил, что в последнее время много развелось язычников, поклоняющихся истуканам, и заблудший народ легко становится добычей чертей. Назло дяде Муртузу я держал перед собой, как полагается, раскрытые Совершая «Дуа», отец вновь повторил, что мы рабы Аллаха, что Аллах вновь явил власть смерти над человеком. Отец просил помощи у Аллаха, чтобы не заблудиться и не обмануться. Он говорил, что в последнее время много развелось язычников, поклоняющихся истуканам, и заблудший народ легко становится добычей чертей. Назло дяде Муртузу я держал перед собой, как полагается, раскрытые ладони и повторял «Амин! Аллахун амин!»

В сакле был сонный полумрак. Дядя Муртуз сидел не шевелясь, уставясь в каменный угол комнаты. Тетя Жари подала ему кружку воды. Не спуская с брата тревожного взгляда, она села рядом.

– Муртуз, тебя в доме боятся все, – тихо и неуверенно начала она. – Ты не умеешь прощать. Твоя беспощадность к родственникам угнетает и отталкивает всех. Тетя Жари, волнуясь, теребила бахрому своего платка.

Муртуз упорно молчал и не шевелился. Он словно не слышал сестру. -

Понимаешь, Муртуз, тебя могут все возненавидеть!..

Тетя Жари встала, испугавшись собственных слов. Ей как будто захотелось погладить брата, но, дотронувшись до его головы, она тотчас отдернула руку и снова села.

– Ты не думай, тебя все уважают… даже любят. Но, как ты придешь в дом, все мрачнеют, боятся лишний раз шевельнуться, чтобы не сделать что-то не так.

– Жари, помолчи, пожалуйста! – оборвал сестру Муртуз.

Слово «пожалуйста» он произнес по-русски. Дядя и тетя задумались каждый о своем и долго сидели молча. Мне хотелось уйти, но я тоже сидел, боясь шевельнуться.

– Что-то не везет мне в последнее время, – хрипло, как бы сам с собой начал Муртуз. Он уставился в дальний угол сакли, где в сумраке проступали скуластые камни. – Удача отвернулась от меня. Муртуз набрал полную грудь воздуха, задержал его там и не спеша, с тяжелым сопением выпустил обратно. – Что-то покидает меня удача, а жизнь моя связана с риском. А

если масть не идет, как рисковать? Дядя Муртуз снова тяжело помолчал. Он сопел и дышал, как крупное животное. – Мне даже пооткровенничать не с кем… Не с кем поговорить… душу выложить хочется. Мне, может, черт побери, хочется, чтоб меня пожалели… – начал он было, но вдруг остановился. Резко встал, заслонив свет в окошке, наклонился, чтобы не задеть дверной косяк, и стремительно вышел.

Солнце пекло по-осеннему сладко. Со старого абрикосового дерева время от времени падали поодиночке переспевшие желтые плоды. Отец взял остро наточенный нож, сделанный из старинного иранского ятагана. На его лезвии еще сохранились четко выгравированные рисунки скачущих колесниц с лучниками. Читая одними губами молитву, отец подошел к жертвенному барану, которого, прижав к земле, мы держали за ноги. Правым коленом он уперся ему в затылок и, ухватив за подбородок, сильным движением отвел его голову назад. Шея барана изогнулась так, что из-под густой шерсти на горле показалась розовая кожа. Отец прочитал молитву и провел ножом по горлу барана. Хлынул поток крови. Баран дергал ногами, пытаясь вырваться, но мы его удержали. Спустя какое-то время отец велел нам отпустить ноги барана. Как только на животном, бившемся в предсмертных конвульсиях, начала дрожать шерсть, ему, по обычаю, налили воду в горло. Он побарахтал ногами и успокоился навсегда. Когда обрабатывали тушу, подвесив ее на крюк, женщины с тазиками по очереди подходили за внутренностями. В тазик моей троюродной сестры Зазы вывалили пузатую темно-зеленуютребуху с печенью цвета красного гранита. От требухи шел пар, и Заза отворачивала лицо. Свежая требуха лишь чуть-чуть воняет навозом, но Заза отворачивалась и пыталась не дышать испарениями от внутренностей.

– Что ты отворачиваешься, дура? – рявкнул на нее проходивший мимо дядя Муртуз. – Небось привыкла в городе к запахам духов и сельский труд тебе уже не по нутру?

Заза взглянула было на Муртуза укоризненным взглядом, но в этот момент ее младший брат Сайпу ударил ее по лбу костяшками пальцев. Заза ничего не сказала, но кровь быстро прилила к ее белому, правильно очерченному лицу. Она больше не пыталась ни взглянуть на дядю, ни что-либо сказать ему. Словно оглушенная, отошла в сторону, поставила у крыльца тазик с требухой и скрылась за дверью дома. Год назад в городе Каспийске Заза, не спросясь ни у кого, вышла замуж. Недавно она разошлась с мужем, после чего посмела вернуться в родной аул, и теперь родные не знали, как к ней относиться. По этому поводу дядя Муртуз собрал всех родственников мужского пола в верхней части дома. Он сказал, что по нашим обычаям Зазу надо убить!

– Если, конечно, мы считаем себя достойными мужчинами, – добавил он после паузы.

Мой отец был категорически против. Он сказал, что Зазы есть мать и отец и здесь присутствующий младший брат Сайпу. Пусть они соберутся, примут решение, а наше дело – поддержать или не поддержать их.

– Не ты их родил, Муртуз, чтобы брать на себя такие дела.

– Родил не я, но позор-то и на меня ложится.

– Не знаю, как насчет позора, я тебе говорю, как в подобных случаях принято поступать.

– Конечно, у кого достоинства нет, тому стыд глаза не колет,– сказал дядя Муртуз.

– Ты на что намекаешь?

– Я не намекаю, я прямо говорю.

– Так! По-моему, этот человек вызывает меня на какую-то крайность.

– На крайность-то как раз ты и не способен.

Отец постоял некоторое время в оцепенении, а потом плюнул в Муртуза. Тот бросился на него, перевернув стол. Дядю держали почти все, кто был в комнате, отец кричал, чтобы отпустили этого быка, и он ему спорет кишки! Удерживая Муртуза, переломали почти всю мебель доме, перебили посуду. Не зная, что делать, я чуть не плакал от обиды.

После обеда дядя Муртуз сказал, чтобы мы с Сайпу сходили на свадьбу к Илларовым. Сам он, из-за траура по Искандару, не может идти на свадьбу, надо идти нам. Дядя объяснил, что отношения с Илларовыми из-за их ссоры с Габибом остаются сложными. Илларов Кунма женит своего племянника. Из города приехала вся их родня. Они не здороваются с нами. Муртуз сказал, что противников всегда надо держать в поле зрения. Мы с Сайпу устроились на широких каменных плитах, окружавших площадку, где игралась свадьба. Детей и юношей не допускали к столам, за которыми сидели взрослые. Хлопали в ладоши, играла гармошка и был барабан. танцевал Илларов Шарапуддин, тучный мужчина, доводившийся дядей жениху. В городе он занимал какой-то важный партийный пост. Сперва Шарапуддин просто прошелся по кругу, потом мягко и плавно засеменил. Встав в центре круга, он начал в ритме лезгинки финтить ногами и жестикулировать. Его полное и грузное тело тряслось в такт ударам барабана, колыхался жирный живот. Он кричал: «Арсаа!» – и брызгал слюной. К Шарапуддину подскочили несколько его дружков и тоже принялись отплясывать. Один, самый худой, особенно заходился в воинственном раже. Он свистел, пыхтел, крутил руками в такт танцу, словно наркоман, которого корчит и ломает. После пляски начались торжественные тосты. Их говорили уважаемые люди в городских костюмах, в шляпах и галстуках. Пели старинную песню. А после песни есаулы с палками стали наводить порядок.

– Тихо! Тихо! – кричали они. – Тише, вы, чтоб слышен был полет мухи!

К центральным столам подвели трех стариков в кудлатых горских папахах. Вся свадьба разом торжественно встала.

– Хааав, хаав! – кричали есаулы.

Тамада вышел из-за стола навстречу старикам. Он самолично вручил им три рога, полных бузою. У стариков были загорелые, коричневые лица и седые пышные усы. Один из них снял папаху, обнажив сахарно-белый бритый череп, покряхтел в кулак и набрал воздуха, чтобы начать речь.

– Хорошо, когда люди веселятся. На свадьбе всем следует веселиться, но не забывать при этом чинности и порядка. Говоривший посмотрел на второго старика, и тот добавил: – А если кто этого не понимает – значит, он ишак и его будут наказывать палками. Произнося свое грозное напутствие, старик улыбался. И всем было весело – все уже заранее примерно пали, что будет сказано. Оба старика, державшие речь, глядели на третьего, тот расправил усы над беззубым ртом и начал:

-Так поступали наши отцы и деды! Так будет у нас, наших детей и у детей наших детей.

– Амин я Аллах,– ответили гости хором.

Потом все трое стариков обратились к жениху и пожелали ему сына. Тамада поблагодарил стариков, есаул заставил гостей трижды крикнуть «ура», после чего разрешил есть и вернуться к еде. Я заметил в дальнем углу, в толпе девушек, Галину. Заиграла гармошка, застучал барабан, захлопали в ладоши есаулы, пустились танцоры в пляс. Тут я увидел встающего из-за стола профессора Геннадия Михайловича. Он был уже в легком подпитии и возмущенно ругал есаула, ударившего его палкой. Ему объясняли, что порядок на свадьбе для всех один – надо хлопать в ладоши и непременно веселиться.

– А если мне невесело? – продолжал возмущаться профессор.

Есаул снова огрел его палкой и усадил на прежнее место.

– Смотрите, один кавказец, Иосиф Виссарионович, тоже любил палку и в конце концов перегнул ее! – Язык у профессора слегка заплетался.

За разговоры без разрешения ему снова досталось палкой. Старики подозвали есаула и сделали ему замечание. Они строго наказали не бить гостя по голове, чтобы тот не подумал, что мы дикари и невежи. Перед профессором извинились и растолковали ему, что на свадьбе не принято обижаться на удары палкой – это считается позором.

– Ничего себе порядки! – крикнул Геннадий Михайлович. – Позором считается! Да на фиг это надо!

Галина с тревогой наблюдала за отцом из толпы… Хотя было начало осени, солнце пекло немилосердно. По-древнему, по-язычески заиграла зурна, застучал барабан. Старики и пожилые люди вышли в круг на ритуальную пляску. Они хором кричали: «Арсаа!» В какой-то момент Геннадий Михайлович встал и начал требовать кавказский кинжал, чтобы зарезать своего обидчика – есаула. Старики истолковали это требование по-своему и велели хозяевам свадьбы подарить гостю из Москвы дагестанский кинжал. Проторчав до вечера и не заметив ничего подозрительного, мы с Сайпу вернулись домой. В комнате у дяди Муртуза сидели Габиб и незнакомые мне городские люди. Полоумную калеку Изайжу по просьбе жителей аула посадили перед входом на кладбище. Она приходилась двоюродной сестрой Илларову Шарапуддину, и он долго этому противился. Родной брат Изайжи, Илларов Гадами тоже стыдился ее. Он был лихой, здоровый парень и слыл хорошим спортсменом. Жители аула были довольны, что есть кому давать милостыню. С приходом Изайжи к воротам кладбища у них наконец-то появился баракат. Она каждого сельчачина знала в лицо: завидя одних, визжала и хихикала, а при виде других пускала слюни.

На площадке между аулом и кладбищем рано утром сошлась возвращавшаяся с водопадов компания– дядя Муртуз, Габиб и их городские дружки– с Илларовыми, приехавшими на свадьбу. Без слов, точно сговорившись заранее, они налетели друг на друга и начали драться. Какая-то женщина завопила из аула. Стоявшие невдалеке мужчины кинулись разнимать дерущихся. Дядя Муртуз несколькими ударами свалил Илларова Гадами, и тот без сознания рухнул на дорогу. Его ненормальная сестра Изайжа тотчас же поползла к нему. Она ползла, выпучив в ужасе глаза, волоча негнущиеся в коленях недоразвитые ноги-обрубки. Перемазанная пылью, она подползла к бесчувственному брату и визжала, обильно брызгаясь слюной. Она подложила ладонь под голову брата и принялась слизывать с его лица пыль и не успевшую запечься кровь. Время от времени Изайжа поднимала голову начинала хихикать. Ее испуг прошел, она была счастлива. Загребая пыль, она подобрала под себя ноги и гладила брата, баюкая его, как младенца. Она хотела быть нежной, ласковой и веселой, но вместо колыбельной из ее горла вылетали хриплые, бессмысленные звуки. Я хотел привести в чувство лежащего в пыли Гадами, но Изайжа вцепилась в мою руку. Я еле отодрал ее от себя. Кожа ее лица на ощупь была толстой, как у буйвола, и неприятной, как резина. Углы рта и подбородок Изайжи всегда в слизи, кожа там какого-то фиолетового цвета. Вскоре собралось все село. Женщины Илларовых причитали и проклинали нас. Больше всех досталось молодому Иллару, сыну Кунмы. Как позже выяснилось, Иллара и его важного партийного дядю Шарапуддина бил Габиб. Когда Илларовы ушли и зрители начали расходиться, дядя Муртуз собрал нас, и мы пошли купаться к водопаду. Мужчины залезли под водопад, раздевшись догола. Вода была студеной, словно из-подо льда. Все хохотали, глядя, как сельский шутник Зурпукал, схватив Габибов пистолет, наставлял его на свой детородный орган, съежившийся и посиневший от холода. С криком «Именем революции!» Зурпукал пытался учинить над ним расправу за дезертирство. Габиб отобрал у него пистолет и положил его в кучу оружия, прикрытого одеждой. Я впервые в жизни видел так много настоящих пистолетов. Дядя Муртуз сказал, что нам всем надо быть начеку: Илларовы не потерпят такого позора. Самый опасный из них – Шарапуддин с его связями, говорил дядя. Он может натравить на нас ментов. Красные лучи заката горели на белокаменном лбу отвесной скалы Леку. Дядя Муртуз ругал меня за то, что я не заметил на свадьбе среди толпы девушек Зазу.

– Она, шлюха, посмела показаться на людях. Эта бесстыжая тварь решила вконец нас опозорить.

Дядя Муртуз отвесил тяжелую пощечину Сайпу. Тот опустил голову.

– Отвечай за свою сестру, чмошник! – ревел Муртуз.

– Видишь, Ансар, нечего ему отвечать!

Дядя сказал, чтобы я привел Зазу к оврагу Эссулрат. Подходя к нашему родовому дому, я увидел на плоской крыше сакли старую Асли, мою тетку по отцу. Тетя Асли сидела в лучах заката и пела тонким голосом куропатки языческую песню наших предков. И я вдруг вспомнил, как с ружьем в руках охочусь за куропатками. Травяной откос горы освещен закатными лучами – они в горах ярко-красные, теплые, нежные и скоротечные. Куропатки бегут от наползающей холодной тени вверх по освещенному склону – туда, где свет уходит за макушку горы. Я целюсь в куропатку, но не успеваю спустить курок. Куропатки бегут, семеня тоненькими красными ножками. Они в волнении дрыгают крылышками, едва поспевая за алыми лучами. Не дав им добежать до макушки горы, я стреляю дробью – их иногда падало сразу несколько штук. Я все это вспоминал, слушая тонкий и певучий, как флейта, голос тети Асли. Она болела грудной болезнью и, сидя на плоской крыше сакли, часто пела для самой себя. Тетя Асли пела для души. Когда я вошел в дом, Заза чистила чечевицу. Она готовила чечевичный суп и просила меня подождать.

Мать Зазы – Залму, строгая, замкнутая, всегда одетая в черное женщина, сидела рядом. Она чистила лук и, подняв слезящиеся глаза, пригласила меня сесть. Я сказал Зазе, что мне некогда ждать, и просил поторопиться. Она закинула в кипящую кастрюлю горсточку чечевицы и вышла вместе со мной на крыльцо. Я ей сказал, что кухонный передник она может оставить дома.

– Куда мы идем? – спрашивала она меня.

– Следуй за мной, и ты узнаешь,– бесцеремонно отвечал я.

Заза в детстве любила меня, ухаживала за мной, как мать. Она взглянула на меня тревожными большими глазами, лицо у нее было бледное.

– Ансар, почему ты со мной так сурово говоришь? Ты что-то темнишь.

Дальше Заза шла за мной безропотно, молча. Я слышал, как она дышит у меня за спиной и семенит легкими шажками. Миновав аул, мы завернули на тропинку к темному и всегда сырому оврагу Даркурат. Потом по прямой восходящей тропе поднялись на гору Куртрат. С Куртрат мы спустились к другому оврагу. Там, у мелкого ручейка, Заза увидела Муртуза и тихонько вскрикнула. Она заплакала и начала просить о пощаде. Она вцепилась в мое плечо и пыталась спрятаться за меня. Дядя Муртуз приказал мне отцепить ее от себя и привести к нему. Я отцеплял ее руки, судорожно хватавшиеся за мои плечи. Я отцеплял ее руки, когда-то по–матерински лелеявшие, нянчившие меня. Дядя Муртуз несколько раз ударил ее пистолетом по голове. Заза не потеряла сознания, но у нее, видимо, отнялись левая нога и рука. Она упала, согнувшись, на правый бок, неподвижно глядя куда-то поверх обрыва. Она глядела, широко раскрыв глаза, словно слепая. Дядя Муртуз из-за спины накинул ей на шею удавку из тонкой шелковой веревки и начал душить. Заза механически, инстинктивно боролась за жизнь. Она засунула пальцы между удавкой и шеей, судорожно пытаясь защититься. Муртуз, как гора, напрягся, пыхтя и затягивая шнур. Вены на его бычьей шее вздулись. Он орал на меня, чтобы я был мужчиной и не плакал. Через несколько секунд я увидел, как по рукам Зазы потекла кровь. Муртуз неправильно накинул удавку, он порвал ей этим шелковым шнуром рот до самого горла. С висящими окровавленными щеками, хрипя, как зарезанный барашек, она упала лицом вниз. Муртуз несколько раз выстрелил ей в голову и в сердце. Не глядя на родственницу, он быстро пошел к ручейку и, опершись на локти, сунул голову в воду. Замычал, как крупное животное, и потом долго стонал, тяжело дыша.

– Я вам всем сейчас говорю, – начал он, подняв голову и усаживаясь почти у самой воды. – Вы все меня ненавидите! – Он обращался ко мне, словно я был здесь не один, словно нас было много. – Вы все будете меня винить в том, что я за вас исполнил ваш мужской долг. Долг обычаев, которые не я придумал, а наши предки. Я говорил твоему отцу: или надо во

всеуслышание отказаться от обычаев, или их надо исполнять. Иначе не бывает. Вы все будете ненавидеть меня, а я буду ненавидеть твоего отца. И тут у меня словно кровь застыла в жилах. В этот момент я действительно ненавидел Муртуза.

Ночью Зазу похоронили у большой и шумной реки. Мы похоронили ее в скалах, без надгробного камня и без молитвы. На похоронах были все мужчины нашего рода. Они хоть и качали головами, но вслух ничего сказать Муртузу не смели. Ночью мне не спалось. Я все время слышал гул водопадов. Они тревожно шумели вдали, неся из темных земных глубин тоскливое дыхание смерти. Мать Зазы, Залму, металась по комнате, словно хищная птица. Она не ложилась до самого утра. До утра не спал и младший брат Зазы, Сайпу. Когда мы несли ее к месту захоронения, Муртуз взглянул на обезображенное лицо Зазы и, видимо, вспомнил разбившегося Искандара. – Только жизнь дарит красоту человеку, – сказал он больным, обессилевшим, хриплым голосом. Под утро я заснул, но тут же проснулся с холодным сознанием, словно и не спал. Я проснулся с мыслью о неизбежности какого-то страшного конца. Среди тишины утра я различил щемящий душу шум водопадов и понял, что до самой смерти этот звук будет преследовать меня, как память о страшной гибели Зазы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

Шел 1986 год. Второй год перестройки. Лет десять прошло после Дультидага. Я был уже взрослым и в душе давно стал убийцей. Раньше я считал, что это ужасно – убить человека, а сейчас считаю это вызовом природе, которая подарила людям так много несовершенного, несправедливого и уродливого. Человек так и так умирает от старости или болезней – от того, что изнашиваются клетки его организма. Убийство – это разрыв пути к естественной смерти. Это протест и вызов природе. На этот поступок надо иметь большое моральное право, ибо сама природа тебе этого никогда не простит. Эти мысли сумбурно теснились тогда у меня в голове. Я ненавидел Горбачева, он меня страшно раздражал. В глубине души я, конечно, понимал, что всякое убийство обязательно вернется к тебе и поставит тебя на край бездны, чтобы сделать трусом или героем. За темными окнами по-прежнему шумели деревья. Их стволы с мохнатыми ветками то приближались к стеклам, то исчезали в ночи. Я лежал в постели, постланной прямо на полу. В соседней комнате сильный порыв ветра вышиб стекло из оконной рамы. Оно разбилось со звоном. Я вскочил и побежал туда. Моя старая тетя Асли окровавленной рукой шарила в темноте. Сестра плакала и успокаивала ее, боясь, как бы та не наступила на осколки. Тюлевые занавески на окнах вздутыми парусами поднимались к потолку. Редкие волосы тети, как белый шелк, дрожали на сквозняке. Я увел тетю в другую комнату, усадил на диван и забинтовал ей порезанную руку. Сестра тем временем расчесала ей растрепавшиеся волосы и собрала их под платок (тетя всегда ходит в платке и даже спит в нем).

– Великий Залл! (Так зовут нашего бога.) Это предупреждение!.. Ансар, ты, наверное, занят чем-то недобрым… Это предупреждение, – повторяла тетя как бы самой себе.

– Ладно, ладно! Спокойной ночи, – сказал я и, возвращаясь в свою комнату, по дороге заткнул тяжелой подушкой пробоину в окне.

В доме сразу стало тихо, и я, весь озябший, нырнул под одеяло. Утром, когда я проснулся, ветра уже не было, остался только его запах. В комнате стоял какой-то степной, негородской дух. На деревьях за окном слабо покачивались желтые листья. Они словно разом пожелтели за эту ночь. Вверх по стене полз черный паук, и я решил: как встану – убью его. Паук исчез в еле видимой щели. Но ничего, я запомнил эту щель! В комнату, не постучавшись, вошел мой друг Шамиль и начал ходить по ней, громыхая ботинками.

– Мальчик! Поднимайся! Все порядочные горожане давно уже на ногах.

Шамиль уселся в кресло и, взяв пожелтевшую газету, начал ее читать. Потом сдул со стола приличный слой пыли и уселся поудобнее.

– Слушай, какого года эта газета? Здесь написано, что хлопкоробы Узбекистана скоро будут собирать по четыре урожая хлопка в год.

– Ну и что? – Ничего, просто жить лучше будем.

– Так мы ж не узбеки!

– Ясно, что не узбеки. Страна-то одна.

– Шамиль, не смеши меня,– сказал я. Потом встал, взял спички и стал поджигать паука в щели. Пламя не проникало в щель, и паук оставался невредимым.

– Слушай, что за пацанские заходы, оставь насекомое в покое!

– Не оставлю! – сказал я и воткнул в щель несколько горящих головок.

Голый до пояса, я сделал несколько приседаний и вышел во двор. Там на стуле уже сидела тетя.

– Тетя Асли, как самочувствие? – спросил я и, не слушая ответа, начал умываться.

Посреди двора дымилась на тлеющих углях чаша с благовониями. Запах плавящегося сахара с кусочками пчелиных сотов знаком мне с детства.

– Разве сегодня пятница? – спросил я, покончив с умыванием и растираясь докрасна полотенцем.

– Не знаю, я потеряла счет дням.

Тетя Асли недавно выписалась из больницы и ждала, когда ее снова положат на операцию. Все эти дни она выносила во двор и ставила рядом с собой поднос с халвой, чуреками и другими съестными припасами на случай, если во двор заглянут нищие. Ей почему-то казалось, что их должно прийти много. Мы с Шамилем спустились со двора в сад, а оттуда отправились на кухню завтракать. От цементного пола несло сыростью и запахом вареной баранины. Сестра налила нам густого фасолевого супа, поставила на плиту чайник.

– Там тебя у нижней калитки на террасе Эрик Семенович дожидается, – сказала она сухо и вышла.

– Чего этот Эрик к тебе зачастил? – небрежно поинтересовался Шамиль.

– Ничего! Просто он мой друг.

– Друг! – хмыкнул Шамиль. – Смотри, особо не увлекайся.

– А что? Не забывай, что он еврей. Они дружат умом, по расчету. Это у нас все на эмоциях.

– Шамиль, ты меня уже достал своими поучениями.

– Вааах! В чем проблема, хозяин-барин. Так я пошел?

– Ну вот, уже и обиделся.

– Да нет, я зайду после обеда. Хорошо?

– Угу.

Из кухни вышли в сад. Сквозь обгоревшие ветки абрикосового дерева виднелась свинцовая гладь по– осеннему хмурого Каспийского моря. Спустившись на самую нижнюю террасу, я поздоровался с Эриком Семеновичем. Он был хмурый и невеселый.

– Не знаю даже, как тебе сказать, – начал он, не глядя на меня и вороша листья носком ботинка.

– Говори как есть.

– У дяди снова были люди от Габиба! Угрожали…

– Куда они приходили?

– В цех, разумеется. Прямо перед всеми рабочими оскорбляли его.

– Ах, собаки!

–В общем, я ничего не знаю, вон дядя внизу у машины…раз уж взялся за дело, сам и отвечай.

– Ладно, Эрик, все будет нормально. Иди успокой Юрия Михайловича.

– Надоело мне его успокаивать! – Эрик раздраженно сунул руки в карманы и стал ходить по саду взад и перед, громко шурша листвой.

– Передай Юрию Михайловичу: если они еще придут, пусть назначат место встречи. Я приеду туда, на месте разберемся.

Глава вторая

Молодая девушка взяла из рук женщины грудного ребенка подняла вверх, поцеловала, понюхала его.

– Пахнет кислым молоком, – улыбаясь, сказала она.

У нее густые черные ресницы, волнистые пышные волосы. Все так же улыбаясь, она подошла ко мне, подала руку и сказала, что ее зовут Ажай и что она сестра друга нашей семьи Габиба. Ажай сказала еще, что она сразу шала знаменитого Ансара, давно хотела со мной познакомиться и рада нашему знакомству. Сияя улыбкой, Ажай уверяла меня, что я действительно знаменит в их девичьем кругу, что я для них – какой-то новый герой, делающий необычную карьеру. Потом добавила, что слышала про мое приятельство с Меседу и тоже хотела бы с ней познакомиться. На мои возражения, что я героев считаю выскочками, а карьеристов презираю, Ажай многозначительно улыбнулась. Ничего плохого в них нету, сказала она. Напротив, смелость и стремление к успеху украшают мужчину. Я не стал с ней спорить – хотя бы оттого, что Габибу мог не понравиться мой оживленный разговор с его сестрой. Мне было странно, что Ажай нимало этого не боится. Она была красива и раскованна. Ее красота была настолько яркой, что при общении с ней возникало ощущение праздника. Ажай сказала, что они с братом лишь внешне похожи, а так, в жизни – разные люди. Когда Габиб позвал меня со двора в дом, Ажай пригласила чаще заходить к ним. Несмотря на свою геройскую репутацию, я лишь растерянно отвечал ей «ага» да «угу»… На пороге дома Габиб встретил меня крепким рукопожатием. Он был в одном домашнем халате и ступал по ковру босыми ногами. Улыбнулся мне, но взгляд его оставался испытующим и холодным. Его глаза цвета рыжего меда глядели на меня исподлобья..

– Ансар, ты извини, времени мало… А ну-ка, давай выкладывай, что у тебя за вопрос ко мне? Затянувшись сигаретой, он сел у раскрытого окна.

– Габиб, я не понял тебя, что это за «а ну-ка»? – с подчеркнутым недоумением переспросил я.

– Как это – что за «а ну-ка»? – Он оторвался от окна и подошел, уставясь мне в лицо своими тяжелыми бычьими глазами. – Ансарчик, ты что? Каким тоном ты со мной разговариваешь, сопляк?!

– А ты как со мной разговариваешь? – Я почувствовал, как кровь жаркой волной ударила мне в голову. – Сам ты сопляк, – проговорил я сквозь зубы, пытаясь совладать с собой.

– Охо-хо-хоой! Смотри, какой прыткий. А-та-та– тааа!

Он надолго присосался к сигарете, не спуская с меня помутневших глаз. Выпустил в мою сторону струю дыма, раздавил в пепельнице окурок и резко встал. Выпущенный им дым почти коснулся моего лица. Я почувствовал, как у меня начали гореть щеки. Может, Габиб не намеревался оскорбить меня, но это было если не пощечиной, то все же явным знаком неуважения ко мне. Если не оскорбление, то пренебрежение точно было. Габиб снова отошел к раскрытому окну и стал глядеть в него, опершись кулаками о подоконник. Он был мрачен.

– Если этот мент будет по-прежнему копать под меня, я сделаю так, чтобы свои же менты его и сожрали… Они любят это, – сказал он, выдержав паузу и обращаясь к кому-то в зале, за распахнутыми дверьми.

– Обожди пока, – донеслось оттуда чье-то глухое ворчание.

Габиб скинул верх халата до туго завязанного пояса, обнажив мощный атлетический торс. Габиб был волосат даже со спины. Он зашел в ванную и принялся чистить зубы, не закрыв за собой дверь. Мышцы на его спине играли в такт движениям рук. Вымывшись по пояс, он

вышел из ванной и, растираясь полотенцем, медленно подошел ко мне. Под покрасневшей от растирания кожей рельефно проступали бицепсы. Снова накинув халат на плечи и запахнув его на груди, он уселся напротив меня.

– Может, сунем ему взятку через моих людей? – громко спросил он, повернувшись к раскрытой двери. Выкинут из органов, тогда хоть на сковороде его жарь.

– Габиб, не спеши пока, – отвечал басисто все тот же голос из дверного проема. – Ребята работают по другим каналам.

Молодая женщина принесла на подносе высокий фужер из тонкого стекла, наполненный молоком. На фужере была цветная наклейка с изображением гоночной машины. Габиб начал пить молоко, процеживая его сквозь зубы. Он пил медленно, с расстановкой. Габиб не спросил меня, хочу ли я пить или есть, что в наших краях считается обязательным правилом вежливости, и не предложил мне молока. Все это я воспринял как еще одно проявление неуважения. А его тон – холодный, безразличный, пустой!.. Габиб сказал, что знает, зачем я пришел к нему.

–Не стану темнить, я не могу уступить тебе Юрку.

–Юрия Михайловича?

-Да! Этого самого Юрку. Я даже объясню, почему… Насколько мне известно, они дали тебе три штуки. Они тебя наняли, как дешевую торпеду.

– Сам ты дешевая торпеда! – не выдержал я.

– Черт побери, что ты себе позволяешь? – Габиб с силой хлопнул себя по коленям и резко встал. – Ты что, Ансар, вытягиваешь меня на дешевый базар? Я не могу этого себе позволить хотя бы из уважения к твоему дяде.

– Не будем говорить об уважении к моему дяде. Ты этого уважения давно не проявляешь… мягко говоря.

– Ансар, ты не понимаешь, насколько ты не подготовлен для этих дел и для житья в городе. Ты неотесан, ты не знаешь кухни уголовного мира.

– Я и не хочу знать.

– Ну вот, пожалуйста, – усмехнулся Габиб. – Ты, наверное, не знаешь, что у нас все деньги идут в общак, в тюрьму и на обустройство откинувшихся ребят. Ты, наверное, подзабыл, что твой дядя сидит в тюрьме и мне о нем думать. Муртуз хоть и отомстил за Искандара, но груз-то лежит и на мне. На мне, потому что я на свободе. – Габиб постепенно перешел на свойский, доверительный тон. – Хорошо, Ансар, что здесь нет посторонних, а то мы с тобой выглядели бы как два болвана. Ты ведь не хуже меня знаешь, что твой дядя ранен. Ваша тетя Залму нанесла ему три кинжальных удара в грудь, а он, чтобы не позорить семью, даже к врачу не пошел. Это все его тупая, никому не нужная гордость… Кстати, она и у тебя, и у всех ваших. Попробовал бы с другими поговорить так же дерзко, как со мной… Я-то свой, со мной можно!

– И поговорю! Можешь не сомневаться в этом! – Я встал и пошел к двери, не подав ему руки.

– Ансар! – окликнул меня Габиб. – Ансар, я хотел тебе напоследок сказать, чтобы ты не обольщался. Твой дядя не такой уж большой авторитет в уголовных кругах. Он обычный уголовник.

– Ты оскорбить меня хочешь?

– Нет! – категорично оборвал он. – В дядьке-то твоем я не сомневаюсь, но что ты можешь быть нашим другом – точно, сомневаюсь.

– Правильно сомневаешься. Я не ваш друг. Я друг Муртуза.

Габиб неторопливо приблизился ко мне, постоял, облокотившись о дверной косяк и, сочувственно улыбаясь, вышел во двор проводить меня. В ту минуту в нем не было ни ехидства, ни высокомерия. Он улыбался мне по-доброму и с сожалением. Только сейчас я заметил его сходство с сестрой. Ажай улыбалась более открыто. Сходство было в морщинах, обирающихся у глаз. На улице, под каштановым деревом напротив ворот, я увидел Шамиля.

– Дурак! – с места в карьер набросился он на меня. Кто к нему ходит в одиночку? Он хоть и друг вашей семьи, но при этом опаснейший тип.

Мы с Шамилем спустились к берегу моря. Утренний туман уже растаял и небо сияло безмятежной голубизной. Лишь где-то в торговом порту тревожно кричали чайки. Они дрались из-за пищи, пугая друг друга своим первобытным кличем. Все это время я мучительно думал об одном: спросить насчет авторитета дяди Муртуза или нет? Шамиль вырос в этом городе и хорошо знал, кто чем дышит. Но спросить его я так и не посмел. Для меня это было слишком сокровенно и важно. Слишком сильно задел меня этим Габиб. Подойдя к своему дому, я встретил у ворот сторожившую меня Залму. На второй год после трагедии с Зазой она вот так же выторожила дядю Муртуза и нанесла ему несколько ударов кинжалом в грудь. Муртуз сумел отнять у нее кинжал и, прижав Залму к своим ранам, занес ее во двор. Тетя Залму была вся в черном, босая, с растрескавшимися, почерневшими подошвами. Она из аула в город и обратно ходила пешком. Никого не смущалась, и многие в страхе шарахались от нее. Она была бродячим укором всем нам, она была тенью нашего страшного будущего. Я слышал, что так поговаривают люди. Залму жила неизвестно где, питалась неизвестно чем. Любые попытки позаботиться о ней или вмешаться в ее жизнь встречала в штыки, разражаясь при этом истерическими воплями. Уставясь на меня отрешенными глазами, она медленно подошла, уперлась лбом в мою переносицу и так сжала мое лицо в своих ладонях, что казалось – она хочет прощупать его костную основу. Шепотом просила меня сказать, где могила ее дочери Зазы. Она просила вернуть ей кости дочери, обещая взамен клад Газику– Кумухского золота.

-Я ведь вам не родственница и не односельчанка, – повторяла Залму.

Высокогорный Гази-Кумух некогда был известен и славен. Он был политическим и военным центром Дагестана и всего Северного Кавказа. Через него пролегал Великий шелковый путь, все торговые пути и дороги религиозных миссионеров. Залму уверяла, что знает, благодаря чему кумухцы получили все эти дары, благодаря золотым рудникам, находящимся на горе Кимизу. Залму готова показать, где золото, в обмен на могилу дочери.

– Подумай над этим! Я приду через месяц, в ночь новолуния, когда умрет твоя любимая тетя Асли!

Выпалив все это свистящим шепотом, Залму резко отпустила мое лицо и быстро пошла прочь, пыля по дороге босыми ногами. Под вечер пришел Шамиль с портативной борм– машиной. В свое время его исключили за непосещаемость с последнего курса мединститута и теперь, по справке, он работал в стоматологическом кабинете железнодорожной больницы. Шамиль, хоть и не окончил института, среди клиентов слыл хорошим врачом. Он добрый беспечный малый, баловень судьбы.

– Дорогая наша тетя Асли, ну-ка давайте осмотрим ваши зубы! Шамиль положил мышьяк и сказал, что послезавтра придет его вынимать. – Смотри, напомнишь мне, а то я могу забыть – ты же знаешь, мышьяк нельзя оставлять дольше срока. А на счет этого, как его… цеха, завтра поговорим, устал сегодня.

Шамиль ушел, собрав инструменты. Вернувшись во двор, я увидел, что тетя Асли стоит у крана с водой, выплевывая кровяную слюну. У нее дрожала рука и слегка тряслась нижняя челюсть. Я молча стоял в стороне и смотрел, как моя сестра помогает тете. Я подумал, что женщины нашей семьи всегда ходили в трауре. Миновав коридор, тесно заставленный вещами из моей комнаты, я тихо вошел в зал. Мой отец, Авчиев Махач, сидя за столом с майором милиции Калла-Гусейном. Майор был родом из нашего селения и почему-то считался там уважаемым в городе человеком. Односельчане, приезжая в город, нередко шли к нему со своими заботами. Фуражка майора лежала на столе рядом с блюдом вареного мяса и початой бутылкой коньяка. Сам майор с улыбкой протянул мне для пожатия свою пухлую руку.

– Все-таки похож на деда, – кивнул в мою сторону Калла.

– Покойный Ансар был гигантом, – устало вздохнул отец.

– Да, нынешние явно помельчали. – Калла продолжал разглядывать меня, поглаживая свою гладкую лысину. Дойдя до моей обуви, майор, словно очнувшись, вздохнул и повернулся к отцу.

– Да, да, Махач… Как я уже говорил, все это оттого, что люди не знают своих прав. Не знают, куда и как обращаться. Вот ты коммунист, всю жизнь работал честно, а воспользовался ли этим? Хотя бы в данном деле? Нет!

– О чем ты говоришь, Калла? Права даны вам, и вам даны все возможности.

– Да нет, Махач. Ты так говоришь, потому что не знаешь моей работы. У нас больше обязанностей, чем прав. Ты лучше собери все свои документы, и я тебе скажу, куда и как написать. А дальше все сделают мои связи. Мы твою сестру Асли можем через Минздрав даже в Москву отправить.

– Увхва-а, Москва! Разве мы о ней думаем? Откуда у нас такие силы? Достаточно тут, на месте.

– Хорошо, хорошо, проблем не будет. …

Проводив гостя, отец вернулся и показал пальто, которое купил для моей сестры Мариям. Тетя Асли и Мариям обрадовались ему, а мне оно не понравилось -черного цвета, с бобровым воротником. Я сказал, что это пальто не для школьницы, а для старухи. Отец рассердился: мне ничем невозможно угодить – впрочем, как и всему моему материнскому роду; все мы хамы и гордецы, а у самих за душой ничего нет. Когда легли спать, я долго не мог заснуть, слушая, как рядом со мной отец вздыхает, ворочается и глухо ворчит. Уже засыпая, я слышал, как он встал, накинул на плечи полушубок и, кряхтя и сморкаясь, прошел по коридору во двор. Далеко за полночь я проснулся от дверного скрипа и шарканья шагов. Отец заметил, что я бодрствую, и заговорил со мной:

– Я-то хоть всегда плохо сплю в городе, а ты чего не заснешь?

– Просто думаю.

– О чем? Ну, чего молчишь?

– Думаю, как интересно получается. Ты мне в детстве всегда говорил: «Не воруй», «Не связывайся с хулиганами». И так каждый день, хотя я не давал никакого повода. Ты как будто предвидел… – Что ты говоришь, Ансар? Ты что, воруешь? Или с хулиганами связался? – Нет, успокойся… Я просто вспомнил твои наказы. – Тогда что за дурацкие мысли в твою голову лезут? – Да ничего, я просто вспомнил, что бабушка учила меня другому: «Спрашивают: видел? Говори: не видел! Спрашивают: слышал? Говори: не слышал! Спрашивают: делал? Говори: не делал!» Три ее заповеди я знал, как стихи.

– Ансар, перестань чепуху молоть, спи! Вечно ты… – Отец чертыхнулся и с шумом завернулся в одеяло.

Проснувшись поутру, я натянул брюки и, на ходу нашаривая ногой тапочки, вышел в коридор, заваленный вещами, залитый белым и в то же время сонным осенним светом туманного неба. Во дворе, устланном опавшими листьями, засыпанный ими спал, завернувшись в бурку, отец – словно в горах, где сторожил табуны и овечьи отары. Тетя Асли сидела на стуле, гладила голову примостившейся рядом на коврике Мариям и жалостливо глядела на брата. Я прошел между деревьями по мокрой грунтовой тропинке, спустился на вторую террасу сада. И вдруг мне показалось в расползающемся утреннем тумане, что на самой нижней террасе, за металлическим столиком с никелированными ножками, которых уже коснулась ржавчина, сидит человек. Спустившись туда, я увидел, что никого нет. Мне показалось, что там сидел мой старший брат, и я почувствовал себя как никогда одиноким.

Глава третья

Сидя на мокром от тумана стуле, я продрог, и кожа сделалась гусиной. Через железную решетку калитки я видел, как бесшумно подъехал белый «жигуленок». Из него вышел Эрик Семенович и стал подниматься ко мне. За ним шел мужчина постарше – его дядя Юрий Михай-

лович. Они поздоровались со мной. Юрий Михайлович встал чуть-чуть в стороне. Эрик начал издалека – про погоду, про то, что зима уже приближается, и про всякую городскую чепуху. Оборвав его, я сказал, что вчера был у Габиба, но пока все глухо. Эрик тяжело молчал. Видно было – он уже не верит, что у меня что-нибудь получится.

– Ансар, мы в курсе… Не будем себя обманывать, это безнадежно. Дядя решил, что сам разберется с Габибом

Я понял, что они с дядей обо всем переговорили и решение окончательно.

– Тогда я верну ваши деньги. Но Габибу цех не уступлю!

– Ладно, Ансар, посмотрим. – Юрий Михайлович и Эрик повернулись и уже спускались вниз. Я их окликнул.

– Слушай, Юра, может, взглянешь на один антикварный ковер… со свастиками? Наверное, он персидский.

–Что ж, посмотреть можно. – Юрий Михайлович с Эриком переглянулись и пошли за мной. -

Я сейчас только вспомнил про ковер. Если не вам, то кому его показать? Ваши ведь разбираются в антиквариате.

– Кто это – ваши?

– Ну… евреи.

– Ваши тоже уже не отстают. – Мне показалось, что эти слова Юрий Михайлович произнес с нажимом, с какой-то подчеркнутой злостью.

Я вытащил из кладовки запыленный ковер (его еще в прошлом году ночью принес один мой приятель и оставил здесь,попросив продать)я кинул его к ногам Юрия Михайловича. Тот даже не потрудился развернуть его. Он лишь посмотрел тыльную сторону, пощупал ворс и сказал, что вещь не представляет антикварной ценности. Оставив ковер на полу, я пошел к калитке проводить их. Когда они выходили, Эрик чуть задержался и заговорщически сказал мне, что ковер, наверное, темный, ворованный. Они уехали так же незаметно и тихо, как приехали. Я почувствовал, что сдешевил, пригласив их посмотреть этот ковер. Поднявшись во двор, я позвал Мариям.

– Спустись вниз, там лежит ковер. Почистишь его и повесишь на стену… в зал. И сними это дурацкое пальто. Ты что, старуха?

Она молча глядела на меня.

– Не поняла?

– Надень свое школьное!

– А это бросить, что ли?

– Да, бросить.

Мариям направилась вниз, к кладовке и кухне, а я умылся и, одевшись, тоже спустился в кухню. Сестра налила мне чаю и быстро ушла, сказав, что опаздывает в школу. Пока я не торопясь, по глоточку, пил чай, пришла аварка Меседу – та самая моя знакомая, чьи рассказы хвалил Эрик Семенович.

–Слушай, иду я на занятия и встречаю твою сестру… Извини, но я прямо ошалела. Идет бедная, утонув в каком-то неописуемом пальто… Ансар, позволь не подобрать ей пальто на мой вкус! Я ей говорю: «Мариям, что ты надела? Что за пальто?»

– Меседу, у тебя безупречный вкус. Но ты же знаешь я не люблю…

– Знаю, Ансар, но я не удержалась. То, что я увидела, это слишком!

– Давай о чем-нибудь другом. Меседу обиженно замолчала.

– Ты чего? – примирительно спросил я.

– Надеюсь, ты мне нальешь чаю?

– Ты привкла ко всему заграничному, а у меня только грузинский.

– Авчиев, что за глупости! – Меседу встала и налила себе чаю. Кожа у нее от холода покрылась пупырышками и чуть посерела. – Варенья нет?

– Вот халва горская.

– Колоссально! – Меседу принялась пить чай с халвой. – И чай бесподобный.

– Да, если не считать, что пахнет сеном и древесиной.

– Ансар, у тебя вина нету?

– Зачем тебе?

– Ну ладно, я пошла. Может, еще успею на лекцию.

Меседу ушла, но не успела дверь за ней закрыться, как она снова появилась на пороге.

– Ой, – говорит и глаза закатывает, – там твой отец сидит, я так испугалась. – С чего это? – Он такой сердитый!

– Ладно, пойдем, я тебя через нижнюю калитку проведу.

Мы спустились на нижнюю террасу. Небо было все такое же серое, набухшее влагой, и от этого становилось душно, как при бронхиальной астме.

– Кто она такая? – встретил меня вопросом отец во дворе. Он сидел на старом, вылинявшем диване и точил бритвенный нож. Тетя медленно поднялась и ушла вниз.

– Меседу, школьная знакомая.

– А что она ходит, как воровка? Прячется… Я промолчал.

– Вот, что сынок… Садись-ка вон на тот стул! Отец указал мне на стул, снял папаху, тряхнул ею, провел рукой по бритому затылку и лысине.

– Вчера я не решился говорить об этом, слишком устал. Я имею в виду, что тебе уже пора жениться. В прошлом году ты ослушался меня, и мне было очень обидно. Сейчас нам улыбается случай стать родственниками Калла-Гусейна. Кто он такой, ты сам, наверное, знаешь. О такой чести многие мечтают. Я от тебя сразу не требую ответа. Но надо подумать о нашей семье… Отец встал с дивана под скрип ржавых пружин покряхтел, покрутил усы, прошелся и снова сел.

– Отец, с каких это пор ты начал преклоняться перед такими людьми? Я отвел глаза от острого, испепеляющего взгляда отца.

– Это упрямство – черта вашего материнского рода. Мать вашу, а кто вы такие с вашей гордостью? Отец встал, побагровев от ярости, которая всегда на него находила, стоило ему заговорить о нашем материнском роде. – Послушай, Ансар, в последнее время я замечаю: чем больше мы с тобой говорим, тем меньше понимаем друг друга… Ты уже взрослый, самостоятельный мужчина, и я уже не должен на тебя кричать, но не могу сдержаться. Твой старший брат Гаммада с полуслова понимал меня, а ты?! Отец замолчал и с какой-то судорожной быстротой начал точить нож о брусок. Я глядел на его руки, боясь, что он вот-вот порежется.

– Хорошо, я подумаю, – сказал я и поднялся, чтобы идти в дом.

– Ансар! – окликнул меня отец. – Что ты имел в виду, когда говорил про мои наставления «не воруй», «не связывайся с хулиганами»? Ну, тогда, ночью?

– Ничего. Я просто так вспомнил.

– Смотри! Ты очень скрытый. Что у тебя на душе, для меня темный лес. Но я прошу тебя: что бы ты ни собирался делать – думай о нашей семье, думай о чести нашей папахи…

– К чему эти громкие слова? – усмехнулся я.

– Да это не «громкие слова», мать вашу!.. Я о них помнил и их придерживался всю свою жизнь. Я, может, тоже, как другие, хотел поездить по курортам. Но я посвятил себя вам, семье, не потеряв своего честного имени… Я из колхозного сада яблока не своровал, об этом все село знает. Я не отомстил за твоего дядю, чтобы вы не остались сиротами…

– И потому все это за тебя придется сделать мне! – Слова у меня вылетали с такой злостью и презрением, что я сам испугался.

– Вот ты какой у меня вырос, оказывается. – Побледнев, отец тихо подошел ко мне.

В это время во двор, улыбаясь, вошел Шамиль, но увидел нас и в смущении остановился.

– Шамиль, проходи, сынок, – выговорил отец через силу, голос его чуть не сорвался. Резко повернувшись, он ушел вниз, на кухню, и впервые за последнее время мне его стало жалко.

К полудню мы с Шамилем приехали на стройку, где я числился бригадиром бетонщиков. Юрий Михайлович устроил меня туда, чтобы отвести глаза органам. «И лишние деньги не помешают», – говорил Эрик Семенович. Стройка находилась рядом с цехом Юрия Михайловича. Вот уже полтора года я получал зарплату. Время от времени, хотя бы в месяц раз, я должен был появляться на работе. Рабочие меня знали, иногда я подключался к их заботам и кое в чем им помогал. Недавно Хадижат сообщила, что меня вроде бы уволили по статье. В вагончике у Хадижат, где располагалась бухгалтерия нашего СМУ, мы с Шамилем попили кофе, поели кукурузы, попрощались и ушли, так и не дождавшись начальника. Обогнув ограду, мы попали во двор трикотажного цеха Юрия Михайловича. Девушки-работницы группами выходили во двор из цеховой столовой. Вслед за нами на территорию цеха заехал красный «жигуленок» и бесцельно кружил по площадке. Я остановил его и сказал, что сюда нельзя заезжать посторонним.

– Это я, что ли, посторонний? За рулем, улыбаясь, сидел здоровенный детина с поломанными ушами. Под носом у него пробивался пушок еще ни разу не бритых усов, рот растягивался в широчайшей улыбке.

– Да, это ты посторонний! – сказал я спокойно, без эмоций.

– А ты кто такой? – продолжая улыбаться, парень вылез из машины. По его повадке было видно, что он борец вольного стиля, каких в нашем городе пруд пруди. – Меня зовут Газали, чтоб ты знал. Ты что, разбираться хочешь?

– Да, Газали, ты почти в точку попал. Если нужно – и разберемся.

– А вот этого ты не хочешь? – Газали поднес к моему лицу кулак. От неожиданности я опешил.

Работницы, как на спектакль собрались вокруг. Понимая, что Газали обыкновенный рядовой бычок, крутящийся вокруг Габиба, я попытался утихомирить его, вытащить на шутливый тон. Но тот не желал идти на мировую. Он уже тянул меня драться один на один. По бокам шоссе мелькали аккуратно подстриженные деревья. Их листья местами покраснели, а кое-где уже начали желтеть. У поворота с шоссе налево, к берегу моря, борец остановил машину, и мы вышли. В машине, на уютном сиденье, я разомлел и расслабился. Лень было даже думать, что вот сейчас надо будет драться с этим молодым, пышущим энергией амбалом. Я начал ощущать в себе неодолимую усталость, похожую на легкий мандраж, и предложил Газали отложить или вообще отказаться от этой глупой затеи. Легкий ветерок дул с моря. Солнце поднялось, но грело еле заметно. Листья на деревьях слегка шелестели..

– Ансар, мужчина ты или нет? Что ты все отговариваешься? – сказал Газали и внезапно попытался ударить меня. Я успел увернуться – его кулак только чиркнул мне по виску.

– Послушай, подожди, подожди! Давай тогда спустимся с дороги, – сказал я, отскочив в сторону.

Борец остановился, видимо, соглашаясь со мной. Он предвкушал победу и больше не колебался. Я подошел к нему, якобы затем, чтобы вместе спуститься с дороги, и тут же с силой ударил его в незащищенное лицо. У него подломились ноги, и он плашмя, спиной рухнул на асфальт. Проезжавшие водители начали притормаживать и с любопытством смотрели на нас. Газали некоторое время лежал неподвижно, затем провел рукой по лицу, тряхнул головой и медленно встал. Левая сторона его физиономии была изрядно помята, но смотрелся он еще нормально – только из ссадины на щеке текла кровь: сперва медленно, а потом сильнее. Парень был явно ошарашен. Постепенно он приходил в себя и, вероятно, собирался продолжить драку, хотя видно было по всему, что он уже не рвется в бой. Если бы я теперь предложил ему оста-

новиться и поехать обратно, он бы, пожалуй, согласился. Но я ничего не предлагал, и он произвел несколько выпадов, потом серию сумбурных ударов – все мимо.

– Как можно на такого красивого парня руку поднимать?– услышал я за спиной негодующий женский голос.

Еще кто-то поддакнул, ругая и осуждая меня. В это время я сделал обманное движение слева и сильно ударил своего противника правой в висок. У Газали снова подкосились ноги, он попытался улыбнуться, но лишь судорожный оскал застыл на его лице. Поочередно, сначала одно, потом другое его колено коснулись дороги. Он свалился плашмя, животом вниз, и лицо его бесчувственно ударилось об асфальт с глухим чмокающим звуком. – Вай-балал! – завопил немолодой женский голос.

– Вай-балал, ой, маменьки, родненький!

Подошедшие мужчины неодобрительно молчали. Газали начал шевелиться. Он перевернулся на спину и закрыл ладонями окровавленное лицо. На асфальте остались пятна крови. Кто-то из мужчин попытался помочь парню, но он резким рывком высвободился и остался лежать. Он лежал, закрыв лицо руками, и между его пальцами проступала кровь. Рядом стояла его машина, и он, приподнявшись на локте, начал правой рукой слепо шарить дверцу «Жигулей».

– Собака, я тебя сейчас прикончу, – сказал он спокойно, но со злобою в голосе.

На стекле оставались кровавые отпечатки его пальцев, а на дверцах красного цвета ничего не было заметно. Ко мне подошел мужчина в штатском, с красным галстуком поверх белой рубашки.

– Иди отсюда, пока я тебя не забрал, – сказал он по– свойски, и я, оценив его доброжелательность, отошел к обочине.

Невдалеке теплой бирюзой поблескивало море. Загородный пляж и весь берег после лета смотрелись голо и уныло. Лишь велосипедист ездил вдоль песков, усадив на багажник девушку. Подол ее платья вздувался на ветру, обнажая колени, и она рукой придерживала его. Осень, подумал я, а у девушки ситцевое платье, усеянное пестрыми цветочками. Я стоял, опершись рукой о ствол дерева, и жалел, что лето кончилось незаметно, не оставив в памяти и следа. Вечером к нам домой на двух машинах приехал Габиб со своими людьми. Высокий, атлетического сложения парень нес за ним большую спортивную сумку. Из второй машины вышли мужчины и молча встали у входа, не заходя в дом. Парень занес сумку во двор и поставил на стол. Сумка шевелилась, словно там было что-то живое.

Габиб вошел в комнату моего отца, обеими руками с почтением пожал ему руки, справился о здоровье тети Асли. Вернувшись во двор, сообщил мне, что Газали не имеет к нему никакого отношения.

– Но! – добавил Габиб многозначительно, поднимая указательный палец. – У него есть родственники, настырные и очень неудобные. В общем, могут попортить кровь. Но и на них есть управа. – А управа у кого? – У кого бы ни была – найдем, если сам не справишься.

– Грамотно поставлено! Главное, что ты тут ни при чем.

– Ансар, давай не будем углубляться, я не для этого к тебе пришел. Я пришел навестить вашу семью и пригласить тебя в гости. Не туда, куда ты приезжал, а в отцовский дом.

– Спасибо, Габиб, почту за честь. Вижу, у тебя есть чему поучиться.

Сопровождавший Габиба высокий парень, раскрыл спортивную сумку. Оттуда показалась голова карлика. Карлик улыбнулся, здороваясь с нами.

– Ну-ка, поприветствуй этот дом, Федя! – скомандовал Габиб.

Карлик вынул бутылку коньяка, налил себе в металлическую рюмку и торжественно выпил за здоровье всех жильцов нашего дома. На прощанье Федя отсалютовал несколькими выстрелами из сумки. Ствол пистолета был виден лишь наполовину…

– Коварнейший тип, – усмехнулся Шамиль, когда я рассказал ему о визите Габиба. – Вчера он почему-то тебя в гости не приглашал, не называл членом семьи… И Газали у них не с боку припека, а крупняк.

Шамиль уверял, что Габиб не так-то прост и что он никогда не сказал бы о Муртузе плохо, если б не имел свой интерес. Или у Муртуза что-то неладно в тюрьме, или Габиб затеял против него какую-то интригу. Шамиль обещал все это выяснить через одного уголовного авторитета по имени Авку-Идовс.

– Неудивительно, что Габиб решил избавиться от Муртуза, – рассуждал Шамиль. – Габиб не скрывал, что не хочет мстить за Искандара. Был с той стороны один труп и с этой один. Можно было перемирие заключить. Но Муртуз, как считает Габиб, убил одного лишнего. Пошла кровная месть, и раз Муртуз в тюрьме – могут убить Габиба как его ближайшего друга.

В тот вечер Шамиль открыл мне глаза на многие вещи. Он утверждал: это Габиб постарался, чтобы Искандар не попал в больницу, – знал, что, если умрет Искандар, противная сторона будет сговорчивее и легче согласится на перемирие. По словам Шамиля, Габиб и сейчас может пойти на сговор, чтобы избавиться от Муртуза. -

Ему это просто выгодно. Ему это выгодно со всех сторон.

Глава четвертая

Наш дом стоит на холме, спускающемся к берегу Каспия. Иногда сюда залетает ветер, насыщенный острым ароматом полыни – запахом ногайских степей. По вечерам становилось холодно. В вечернем воздухе ощущался дремотный привкус наступающей зимы. Она в этом году, по всем приметам, обещала быть морозной. Ветер степей, таящий в своей утробе морозное дыхание зимы, тревожно бодрил. Он напоминал о горечи грядущих утрат. Утрат, которые неминуемо ждут впереди. Осень бодрит и будит инстинктивное воспоминание о том, что ты смертен. Оно, как запах полыни, сладостно и тревожно. Шамиль повел меня к самому авторитетному, как он утверждал, «каторжанину» – Авку-Идовсу. Шамиль говорил, что Авку-Идовс отказался от всех регалий преступного мира, включая титул вора в законе. Авку-Идовс оказался высоким и тощим. В доме у него не было ничего примечательного, только уж очень все запущено. Авку-Идовс взял с подоконника граненый стакан, сдул с него слой пыли, сунул внутрь руку. Вытащив таракана, отпустил его на подоконник.

– Алкоголик, как и я, – кивнул он на таракана, – все остатки после меня допивает.

Авку-Идовс налил себе водки. Спросил нас, будем лимы пить. Мы вежливо отказались, и он без дальнейших церемоний выпил залпом.

– Чего пришли? – сказал он, морщась, и в поисках, чем бы закусить, стал шарить на захламленном вчерашними объедками столе.

– Вот племянник Муртуза… его зовут Ансар, – начал Шамиль.

Идовс, не обращая на меня внимания, ходил по комнате, скрючившись, как горбун.

– Муртуз – мужик что надо, без задних мыслей. – Идовс остановился и взглянул на меня оценивающе. – Племянник Муртуза – это хорошо…

Да вы дело говорите! Чего пришли? – Идовс уставился на Шамиля.

– Дело?.. Гм… – Шамиль взял под руку Идовса, увел его в другую комнату и долготам с ним шушукался.

Возвратившись, Авку-Идовс глядел на меня по-другому.

– Нет, так не годится, – заговорил он. – Так не пойдет. Я сейчас же отправлю маляву в тюрьму! Пачкать Муртуза мы никому не дадим.

По дороге домой Шамиль рассказал мне, о чем они говорили с Авку-Идовсом, когда ушли в другую комнату. Каторжанин считает Муртуза порядочным и авторитетным. Габиба, напротив, комсюком и временным пассажиром.

– Кто такой комсюк? – перебил я Шамиля.

– Бывший комсомольский работник. Авку-Идовс считает, что Габиб – человек, который занимается преступным бизнесом.

– А сам он тогда чем занимается?

– Его не интересует бизнес. Авку-Идовс и твой дядя – преступники из принципа. Они идут против государства и не признают его законов по соображениям принципиальным! Между прочим, и в российских лагерях, и даже за границей у него огромный авторитет. Это про него Высоцкий пел: «Руслан Халилов, мой сосед по камере…»

– Да ну-у! А что ж тогда его Авку-Идовсом зовут?

– Это кличка, тупица! Высоцкий, действительно, гордился знакомством с ним. Этот каторжник знает несколько иностранных языков! – Шамиль смотрел на меня торжествующе, очевидно, уверенный, что его информация должна произвести эффект.

У ворот моего дома мы простились. Шамиль обещал зайти утром, посоветовав мне на прощание держаться на расстоянии от Габиба и от Хачбара тоже. Они в прошлом были лучшими дзюдоистами Союза.

– Кто это – Хачбар?

– Тот, что в спортивной сумке нес карлика Федю. Так вот, они будут тебя сажать на понятия блатных или уголовных. Ты их не слушай. Чем меньше знаешь о них, тем легче с ними справляться. По крайней мере, не быть под их влиянием. Если ты посвящен в их законы, то они считают, что по ним можно спрашивать с тебя.

Я сидел на скамейке у ворот. Утреннего холодка уже не было, осеннее солнце выглянуло бледное, словно из-под вуали, и приятно грело. Сестра шла домой – у них в школе была большая перемена. Я ошалел, увидев сестру в том самом нелепом черном пальто с бобровым воротником.

– Мариям, – остановил я ее, – почему ты в пальто, разве сейчас так холодно?

– Не знаю. Отец сказал: «Надевай».

– Что ты мелешь, – отец, отец!. Хоть бы в зеркало на себя поглядела. У тебя в этом пальто дурацкий вид.

– Тебе об этом Меседу говорила? – резко перебила она меня.

– Какая тебе разница? – Меня ее вопрос почему– то взбесил. – Это я тебе говорю, твой старший брат. Я устал от похоронного вида этого дома. Он на меня току наводит.

Мариям попыталась молча пройти мимо, но я остановил ее, схватив за плечо. Она хотела вырваться, но я ее ударил. Она взглянула на меня без слов, с холодным презрением. Это мне живо напомнило отца, и я избил ее так, что у нее кровь хлынула из носа. Я испугался и, быстро затащив ее во двор, умыл под струей холодной воды. Сестра стояла у крана, ожидая, пока остановится кровь. Она не только не всплакнула, но и не издала ни единого звука. Я и прежде знал, что она упрямая и скрытная, как камень.

– Мариям!.. Моя маленькая упрямая Мариям… Прости меня, дурака, – неестественно, не принятым в нашей семье тоном начал было я, но тут же остановился – почувствовал, что получается вовсе нелепо.

Я взял ее за голову, обнял. Она сперва молча дышала мне в рукав пиджака, а потом, заплакав навзрыд, вырвалась и побежала в дом. Я прошелся по двору и сел на старый, вылинявший диван с торчащими ржавыми пружинами. Пожелтевшие сухие листья, кружась, слетали с виноградной беседки, и весь двор перед фасадом нашего, давно не ремонтировавшегося дома выглядел как никогда запущенным и унылым. Отец вышел во двор с наточенным бритвенным ножом и с помазком для пены. Я поднялся и тут же небрежно сел снова, без разрешения, успев, впрочем, подумать,что все это выглядит как глупое и неуместное позерство. Отец подошел к зеркалу, висевшему над умывальником, намылил помазок на огромном куске хозяйственного мыла, намазал пеной густую седеющую седину. Сестра принесла чайник с горячей водой, бритвенный прибор на подносике, но отец даже не обратил на это внимания.

– Я сейчас принесу туалетное мыло, – сказала сестра.

– Не надо, я привык этим, – отозвался отец.

Он помочил нож в струйке, журчащей из-под крана, и начал бриться с правого виска. Хирж, хирж, хирж! Слышно было, как у корней режутся его крепкие, словно леска, волосы. Нож он промывал, держа его под струей холодной воды. В зеркале, испачканном белыми пятнами то ли краски, то ли зубной пасты, я видел его отражение. Отец взялся за кончик крученого уса, прикрывавшего щетину у рта, оттопырил это место языком и начал брить. Хирж, хирж, хирж…

– Ансар,ты почему побил сегодня Мариям?-Отец повернулся ко мне, промывая нож и трогая пальцами свежевыбритую, с синеватым оттенком, как будто налитую сырым холодом, щеку. – Ну, что молчишь?

– Потому что заслужила.

Отец намылил помазок и снова отвернулся, покрывая пеной щетину на шее и на левой щеке.

– Заслужила, значит? А ты знаешь, что ты заслуживал куда больше побоев, а я тебя жалел?

– А я не умею.

– Чего?

– Жалеть.

Отец поднял нижнюю губу, потрогал пальцами подбородок и провел несколько раз лезвием по коже. Потом повернулся ко мне и стал водить ножом по внутренней стороне свободно висящего хлястика своего ремня.

– Подожди, сынок, и у тебя будут дети, – вздохнул он. – Тогда ты поймешь меня.

Глава пятая

Утром был туман. Потом он спустился к морю. Чайки стаей летали над садом и тревожно кричали. Я сидел на кухне и пил бледно-желтый, вчерашней заварки чай, когда явились Габиб и Хачбар. Они уговорили меня поехать с ними. На базарном пятачке близ ЦУМа мы ели шашлык. Хачбар быстрее всех расправился с ним. Насвистывая аварскую мелодию, он поднял растопыренные пальцы и стал крутить ими в воздухе. Шашлык был жирным, а салфеток на столах не оказалось. Хачбар огляделся по сторонам. Людей на базаре было много, очередь за шашлыками длинная. Хачбар подозвал шашлычника, и тот, оставив очередь, подошел к нему Хачбар похлопал его по плечу и, все так же насвистывая, вытер руки о его передник.

– О твой передник, ара, можно только испачкаться!

Хачбар засунул руку шашлычнику в нагрудной карман и достал оттуда помятую кучу рублей. Брезгливо сунул их обратно и стал шарить во внутреннем кармане его пиджака. Наконец, он извлек носовой платок и, подержав его на весу двумя пальцами, еще раз вытер руки, после чего кинул платок хозяину. Тот поймал его на груди и положил в карман. Очередь смотрит в нашу сторону и терпеливо ждет. Шашлычник – среднего роста, с круглыми растерянными глазами.

– Братан, тебя здесь раньше не было. Скажи, откуда ты взялся?

– Я от ресторана «Кавказ».

– Да плевать мне, от чего ты! Тут почти самое наваристое место, кто тебя держит?

– А-а-а!

– Да ты не акай, мать, твою! В Поволжье люди с голоду умирают. Куда деваешь бабки?

– Спросите у Авку-Идовса.

– Так бы сразу и сказал. Иди!

Шашлычник ушел.

–Авку-Идовса для нашего небольшого города слишком много становится.

Через базарную площадь мы вышли на улицу, где стояла машина, и поехали в незнакомое мне кооперативное кафе. У входа нас с радостью, почти с восторгом, встретила хорошо одетая женщина средних лет. Она сразу же хотела начать какой-то деловой разговор, но Габиб с Хачбаром, не слушая ее, проследовали в кабинку, обитую красным велюром. Официантка принесла чуду с овощами и кофе с коньяком.

– Будешь что-нибудь есть? – спросил меня Хачбар.

– Нет, спасибо!

Хачбар отослал официантку. К нам вошел усатый тучный мужчина. На правой руке у него красовался большой перстень-печатка с фигурными буквами, украшенный бриллиантом. Прежде чем начать разговор, он недоверчиво взглянул на меня и вопросительно – на Габиба.

– Говори! – сказал Габиб и тут же добавил: – Кстати, познакомься – это наш друг, племянник Муртуза. Его зовут Ансар.

– Очень приятно. Гамзат!

Он начал разговор о первом секретаре одного животноводческого района в Ногае. По словам Гамзата, этот первый секретарь перешел все границы: он пересажал почти всех, кто мог выступить против него. Один капитан милиции, аварец, установил сорок семь случаев злоупотребления властью – по каждому можно открывать уголовное дело. Но капитан, говорят, вот уже неделя как исчез вместе со своими материалами. Тут Гамзат многозначительно поднял брови и, зажмурив глаза, рассмеялся.

– Но копии у меня… там! Хачбар и Габиб вместе с Гамзатом вышли из кабинки.

Они, как я понял, пошли смотреть документы. Возвращаясь к столу, Габиб матюкался и сильно бранил кого-то. Подошла женщина, хозяйка кафе – та, что встречала нас у входа. Она жаловалась, что к ней приходит некто Хазам, разговаривает грубо, оскорбляет, угрожает и требует в месяц две тысячи. Он уже избил шеф-повара и одного из работников кухни. Габиб спросил, намекала ли она ему про них, Хачбара и Габиба.

– Он вас не знает… И вообще он какой-то лох, с ним трудно говорить по-человечески.

– Ну понятно… Аминат, если этот тип сунется еще раз, назначь ему время и немедленно дай нам знать.

Дальше мы поехали к некоему Итул-Манапу, адвокату. Я и раньше от Шамиля слышал про этого Итул– Манапа. Говорили, что он молодой и талантливый, знает свое дело. В наших краях адвокат, какой бы грамотный он ни был, не будет иметь успеха, если у него нет связей. По словам Шамиля, у него было и то, и другое. Габиб завел с ним разговор о ногайском секретаре райкома, сунув ему папку с бумагами. Габиб спросил, нельзя ли через людей из отдела партийного контроля прощупать все слабые места этого князька (Сперва он сказал: «князька», потом поправился: «хана»). Итул– Манап многозначительно свистнул, взял папку и начал листать бумаги.

– Сколько ни совались, все зубы сломали. Этот покруче Адылова будет. У него хорошие концы в Москве, и наш второй его хорошо держит. А он своих в обиду не дает.

– Манап, мы все это знаем. Надо узнать детали, все до мельчайших подробностей.

– Что вы задумали? – Итул-Манап внешне казался очень интеллигентным и даже немного женственным. Он носил очки в тонкой золотой оправе. – Нет, серьезно, Габиб, что у вас на уме?

– Манап, ты же знаешь, в Поволжье на той неделе два человека от голода умерли.

Это было дежурной шуткой Габиба и Хачбара. Я попросил, чтобы меня отвезли домой. Когда доехали до моего дома, Габиб стал меня уговаривать пойти с ними вечером в ресторан. Хачбар же отозвал меня в сторону.

– Ансар, говорят, ты хорошо знаешь Меседу? – вдруг спросил он.

– Ну и что? – Мне почему-то не понравился его вопрос.

– Ты не сможешь познакомить меня с ней?

– Могу… Ну ладно, давай до вечера.

– Давай. Они уехали.

Я стоял, провожая их глазами, пока они не исчезли за поворотом. Мне сегодня понравилось с ними – все, кроме последнего разговора. Все было просто отлично, кроме этого.

Глава шестая

После обеда в воздухе было пыльно. Поднялся ветер. Деревья качались, размахивая оголенными ветками. У соседей играла плаксивая музыка. Мы до сих пор не знакомы с ними. По утрам молодой мужчина, чуть старше меня, выходит полураздетым в сад и качается с гирями. Я ему уже несколько раз хотел сказать, чтобы он не выходил раздетым, что у меня здесь сестра и тетя, но сдержался: может, сам догадается. Пришел отец, бодрый и веселый.

– Оказывается, операция тети Асли будет дорого стоить, – сказал он голосом победителя. – Но Калла– Гусейн понимает, что у нас денег нет, и сам готов заплатить. Полторы тысячи! Он не хочет на этом спекулировать, не такой он человек! Но, Ансар, ты ведь понимаешь, что тебе после этого не жениться на его дочери просто неприлично.

Я молчал, сдерживая нарастающую досаду. Отец даже вроде собирался шутить со мной, но, приглядевшись, тоже нахмурился.

– Сынок, ты пойми наши семейные трудности! Калла-Гусейн с его положением, связями – находка для нас… Ансар, почему ты молчишь?

– А что мне сказать?!

– Ты же сам понимаешь…

– Да, понимаю, что нас, оказывается, можно купить положением и связями…

Отец хотел меня ударить, но сдержался. Он лишь обозвал меня гадом и собакой, которая приносит в дом одни неприятности.

За мной заехали Габиб и Хачбар. На заднем сиденье я увидел Итул– Манапа с двумя девушками. Чтобы я смог усесться, им пришлось потесниться. Девушки смеялись и визжали, когда Итул-Манап, обняв за талии, прижимал их к себе. В машине было тепло, уютно и пахло французскими духами. Поехали за город, в ресторан «Скачки». У входа нас встретил Гамзат – тот, что подсаживался к нам в кооперативном кафе, – и проводил в одну из кабинок. Габиба и Хачбара здесь все знали. Были принесены: салат «Столичный», зелень, фрукты в вазах, жаркое из баранины на большой сковороде, две бутылки шампанского и коньяк. Посидев в ресторане, мы пошли в гриль-бар – он находился в том же здании. Там меня познакомили с одним вором в законе. В баре стояли веселый гомон и смех. Интереснее всех смеялся этот вор в законе: «Кхе, кхе!» – как будто его взяли за кадык и душат. Прозвище или кличка его – Эльбрус. Когда Габиб нас знакомил и я назвал свое имя, он лишь мельком взглянул на меня и подал руку, продолжая кхекать. Он не назвался – наверно, полагал, что все и так должны знать его. А мое имя тут же забыл или даже не потрудился расслышать его. Кожа у него на шее и на лице рыхлая, бугристая, словно у ящера. За столом с Эльбрусом сидело много людей. Рядом, с обеих сторон, две девушки, как и с Итул-Манапом. Мода, что ли, пошла такая, усмехнулся я про себя. Одна из девушек, судя по всему, русская, другая наша. После каждой, даже самой дурацкой, собственной шутки Эльбрус хохотал-кхекал, с удовольствием хлопал девушек по спине и по ляжкам и громко восклицал:

– Все будет нормально, и вы тоже будете счастливы!

Кстати, эти же слова он произнес, знакомясь со мной, и все дружно заржали, словно он бог весть какую шутку отмочил. Когда нас посадили за их стол, я долго молчал, не вмешиваясь в разговор. Я думал: у них, наверное, манера своя и темы свои – крутые, воровские. Но, прислушавшись, понял: обыкновенные разговоры и шутки какие-то плоские, бестолковые. Я раз тоже попробовал пошутить. Вижу – получилось, все захохотали. Подстроился под их волну и тоже кидаю всякие реплики. Хачбар и Габиб улыбаются – рады, что я освоился. В тот вечер мы сидели допоздна и разошлись, как говорится, усталые, но довольные. Только на следующий день стыдно было.

Глава седьмая

Утром, проснувшись, я увидел, что на дворе давно уже день. Отцовская постель была убрана. Обычно он будил меня громко и грубо. За окном замерли полуголые желтые тополя. Небо безоблачное, но бесцветное, как стекло. Все замерло. Все словно окаменело. Из соседней комнаты доносятся голоса. В зале разговаривают отец и Калла-Гусейн. Прислушиваюсь. Калла-Гусейн толкует про уникальный ковер, а отец недоверчиво восклицает и клянется, что не знает, откуда он взялся. Зовет меня. Я быстро одеваюсь и, не умывшись, вхожу в зал. Калла-Гусейн ходит по комнате не разувшись и рассматривает висящий на стене ковер.

– Здравствуйте, уважаемый Калла-Гусейн-ага! – здороваюсь я.

Отец, сидевший на стуле и трепетно следивший за каждым движением Калла-Гусейна, опешил от моего тона. Он поднялся и угрожающе уставился на меня.

– Здравствуй, Ансар! А почему «ага»? – спросил Калла-Гусейн с улыбкой.

– Да так… Отец вдалбливает в меня, что вы большой человек, а к именам больших людей, как известно, прибавляют титул аги. Калла-Гусейн без тени обиды, улыбаясь, стоял передо мной. Он щелкнул языком и, помотав головой, опустился на диван.

– Что мелет этот глупец? – растерянно спросил майора отец.

– Ничего плохого, Махач. Я считаю, дети должны быть умнее своих родителей. Они должны быть лучше нас. – Калла-Гусейн вздохнул и, стряхнув с дивана пепел, оставленный отцом, опустил голову.

Отец остался недоволен мягким ответом Калла– Гусейна. Он устремил на меня взгляд своих желтых глаз.

– Ты откуда взял этот ковер? Я неопределенно махнул рукой.

– Сам знаешь!

– Я?! – Отец закурил и с недоумением уставился на меня. Как я ненавидел в нем эту мелочную честность! И все это перед каким-то ментом, мусором, который корчит из себя великодушного покровителя.

– Да ты же сам разрешил мне своровать этот ковер, отец, – сказал я как можно более спокойно и непринужденно. Какое удовольствие испытывал я, видя окаменевшее в безумном гневе лицо отца! Я знал, что для него это самое страшное слово – «своровать». – Да ты что, не помнишь, что ли? Три года назад я тебе сказал, что хочу обворовать дом одного богатого человека, а ты расспросил меня обо всем и сказал: смотри, не попадись. Ковер оттуда…

Я не успел докончить. Отец с силой ударил меня. Он хотел ударить еще раз, но Калла-Гусейн его удержал.

– Да что ты боишься, отец? Здесь нет посторонних, он же нам родственник. Будущий, правда.

– Убирайся из дому, черный враг!

Ближе к полудню на базарном пятачке возле ЦУМа я нашел Габиба и Хачбара. Мы поехали обедать в кооперативное кафе к Аминат. Вскоре туда приехал Итул-Манап. Стало оживленно и весело. В конце застолья адвокат вернул Габибу папку с документами. Речь за обедом шла о первом секретаре райкома. По словам Итул-Манапа выходило, что капитана милиции, который осмелился выступить против ногайского секретаря, похитили люди Эльбруса.

– Остается, – говорил Итул-Манап, – выяснить одну деталь, и все станет ясно. А в данный момент очевидно, что все заготовители шерсти и сельхозпродуктов проходят через людей Эльбруса.

Вечером мы пошли в тот же ресторан «Скачки». Уступив просьбам Габиба и Хачбара, я позвонил Меседу и взял ее с собой. Было уже холодно, и Меседу надела пальто и норковую шапку. В машине Габиб сразу же испортил ей настроение. Он бесцеремонно снял с нее шапку, хлопнул по ней несколько раз и с силой снова надел на голову Меседу – до самых бровей.

– Остановите машину!

– Что случилось?

– Остановите машину или отвезите меня обратно. Я впервые видел Меседу такой сердитой.

– Ансар, что за дела, что он себе позволяет? Габиб извинился передо мной.

– А я-то все думаю: почему мужчинам норковых шапок не хватает? Оказывается, сюда женщины вмешались. – Он пытался перейти на шутливый тон.

– Думайте себе сколько угодно, а меня отвезите домой. – Мне показалось, что Меседу вот-вот заплачет.

– Меседу милая, я совсем не хотел тебя обидеть. Тем более, что ты знакомая Ансара. Просто я страшно закомплексованный человек. У тебя же есть отец. Почему он тебе разрешает носить шапку, а не платок? Мы же дагестанцы, горцы в конце-то концов.

– У меня отец – интеллигентный человек, профессор.

– Знаем, знаем твоего отца! Только платок тебе больше пойдет…

– Слушай, Ансар, что за издевательство надо мной? Почему ты привел меня к этим людям?

– Меседу, это мои друзья. Все будет нормально. Честно говоря, я не знал, как себя вести. Поведение Габиба мне тоже не понравилось.

Ужин в «Скачках» получился скучным, натянутым, с долгими паузами и бестолковыми сухими диалогами. Меседу даже не пригубила шампанское, да и никто не пил. Ели вяло, медленно пережевывали пищу. Хачбар заговорил с Меседу по-аварски, но она ответила по-русски. Он, по-моему, спросил, откуда она родом.

– Из города Махачкалы! – последовал резкий ответ.

Хачбар ей что-то заметил – громко, резко. По-моему, спросил, почему она не говорит с ним по-аварски.

– Ансар, отвези меня домой, пожалуйста, или я сама поеду, – обратилась ко мне Меседу, решительно отложив вилку.

– Потерпи немного,скоро все поедем,-угрюмо отозвался Габиб. Когда подвезли Меседу к ее дому, я вышел из машины проводить ее.

– Ансар, я что-то не поняла, ты что, зависишь от них или они тебя купили? – еле сдерживая негодование, спросила она.

–Ты о чем, Меседу?

–Я тебя сегодня просто не узнавала. Что они себе позволяли? Ведь это неуважение, в первую очередь, к тебе… Я тебя другим представляла…

–Каким – другим?

–Ну хотя бы независимым – сказала она и скрылась в темноте подъезда.

Я вернулся в машину, и мы долго и бесцельно ездили по городу.

Глава восьмая

Отцовский дом Габиба внешне неприметный, а зайдёшь внутрь – хоромы. Двор бетонированный, просторный, по углам карликовые гранатовые деревья. Листья еще зеленые, а спелые плоды красного цвета уже большие – сказочно смотрятся. Нас встретила огромная гладкошерстая собака, каких я не встречал в наших краях. Она уставилась на меня и глухо гавкнула. Даже не гавкнула, а вроде буркнула: «Боб!» Я таких видел в немецких фильмах – доги. Они даже в фильмах вызывали у меня омерзение. Высокие, голые, похожие на породистых телят, со змеиными хвостами. У нас водятся лохматые чабанские волкодавы. Я знаю их с детства, их можно уважать, как людей. На широкой веранде с белыми оконными рамами я увидел женщину лет пятидесяти, с морщинистым благородным лицом, с выплаканными глазами. Я сразу понял, что это мать Габиба, хотя особого сходства не было заметно.

– Мама, посмотри, это Авчиев Ансар, сын нашего Махача! – представил меня Габиб.

– Добро пожаловать, сынок! Как он похож на свою покойную мать! Проходи, у нас с вашим родом есть родство, но люди в последнее время забыли себя и Аллаха.

– Мама, разбуди Ажайку, пусть нам накроет.

Теперь я яснее различал сходство между матерью и сыном. Его можно было уловить в их манере разговаривать, по незаметной улыбке в глазах и по морщинам, собирающимся у висков.

– Отец тебя ждет! Сегодня снова «скорую помощь» прислали.

– Как, опять? Ну, попадутся они мне… – буркнул Габиб.

Мы зашли в просторный зал, устланный коврами, мягко освещенный светом ночной лампы.

– Пока подожди вот здесь. – Габиб указал мне на диван и скрылся за дверьми, расположенными в дальнем конце зала.

Усевшись перед журнальным столиком, я перелистывал каталог с роскошными фотографиями фирменных товаров. Часы мерно тикали, убаюкивая полуночную тишину комнаты. У меня за спиной щелкнула дверная ручка, и я оглянулся. Из полуоткрытых дверей, из бархатного уютного сумрака соседней комнаты вышла полусонная Ажай. Она сонно застегивала пуговицы халата. Одна его пола на мгновение отошла в сторону, и я увидел голую девичью ногу. Ажай приблизилась, улыбаясь своей яркой, праздничной улыбкой, сказала по-русски: «Здравствуй, Ансар», – и прошла налево, в направлении кухни. Хотелось поговорить с ней, разглядеть ее лицо. Сбоку мне были видны ее волнистые каштановые волосы до плеч, бледный овал щеки и белые икры, мелькающие под пологом байкового халата. Она на ходу перевязывала его поясом. Я позволил себе подумать о сонной теплоте ее кожи.

– Вот он! – раздался торжествующий голос. Улыбающийся Габиб с отцом шли ко мне. Отца его, Омая, я знал в лицо.

– Да-а-а! Узнаю покойного Ансара… Тот, правда, покрупнее был. Наши с вами тухумы, сынок, считаются благородными… Почему я об этом заговорил? Вот уже полгода, как к нам приходят анонимные письма с угрозами и грязной клеветой. Посылают то машины «скорой помощи», то милицейские… На лицо Омая набежала тень, он поморщился и взялся рукой за сердце. – Габиб, иди пока почитай письмо! – Омай проводил взглядом сына до дверей.

– Так уж случилось, дорогой Ансар, что у меня, кроме Габиба и Ажай, больше нет детей. Ты, наверное, знаешь Ажай, она каждое лето бывает в ауле. У Габиба нет братьев, он, как видишь, у меня один. Я тебе вот о чем хочу сказать. – Омай многозначительно поднял палец и вздохнул. – В этом подлом городе я за свою долгую жизнь научился многим вещам. Я набрался опыта, но большей частью – горького. И понял, пожалуй, самое главное: человек должен знать, что он не один. Что у него есть отец, дяди, братья, двоюродные братья – мощный тухум… О друзьях я сейчас не говорю, это другое. В общем, человек должен знать, что за него есть кому ответить, что за него, в случае чего, отомстят. Может, ты поймешь меня, а может – нет, но я скажу: мой сын занимается всякими делами, я ему не могу этого запретить. Я ему, сынок, все дал, он ни в чем не нуждается. Но он уже самостоятельный мужчина и должен искать свой путь. Чтобы не утомлять тебя, Ансар, я хочу сказать, что мы, Талатиевы, и вы, Авчиевы, не должны пренебрегать друг другом. Пока Омай произносил все это, у него, видимо, опять кольнуло сердце, и он, закрыв глаза, откинулся на спинку дивана.

– Вам плохо, дядя Омай?

– Сердце пошаливает. Я хотел сказать, что твой отец, Махач, очень неправильно поступает, не считаясь с родственниками, особенно с материнской стороны. Помяни мое слово, он будет об этом жалеть! Но в любом случае передай ему салам, и пусть не водится с этой красной лисой, Калла-Гусейном.

Пришел Габиб. В руке он сжимал скомканный клочок бумаги – очевидно, письмо. Омай выглядел утомленным. Он ушел спать, пожелав нам спокойной ночи.

– Пойдем, посидим на кухне.

– Габиб, я есть не хочу. Да и поздно уже.

– Пошли чаю попьем.

Кухня у них тоже просторная. Пол у плиты выложен голубым кафелем. На кухне никого не было, но стол накрыт, словно к обеду. Габиб глотнул коньяку, налил себе в фужер минеральной воды «Рычал-Су» и присел на подоконник.

– Габиб, я хотел спросить: вот ты сейчас задумал какие-то дела…

– Да! И что?

– Я так понимаю, что в них и мне придется принимать участие… – Извини, Ансар, но вот это тебе делать совсем необязательно. Это всецело зависит от твоего желания. У меня к тебе на этот счет нет никаких претензий, и давай не будем больше к этому возвращаться. Идет?

– Хорошо.

Габиб подошел к столу и налил коньяк.

– Ансар, я хочу сказать тост. Когда в твой дом приходит новый человек, он приносит счастье или несчастье, покой или беспокойство. Я хочу, Ансар, чтобы твой приход в наш дом был счастливым.

– Амин я Аллах!

Глава девятая

Тетю Залму нашли мертвой чабаны Турчидага. Они нашли ее на берегу какой-то горной речушки – у заводи, близ водопада. Над трупом кружили грифы. Рот был забит речным илом, а глаза выпиты вороньем. На похороны пришли жители окрестных сел и даргинцы с Цудахара. Даргинцы часто укоряют лакцев за то, что те пренебрегают верой отцов.

После похорон мулла монотонно прочитал молитву над свежей могилой. Потом он объяснил нам смысл некоторых похоронных молитв и обрядов. Мулла говорил, что Аллах еще раз доказал власть смерти над человеком. – Смерть, ныне вновь явленная нам, должна укрепить в нас веру в ахират. Это вера в загробную жизнь, – говорил мулла. – Мусульмане не имеют права горевать в одиночку. Хотя горе утраты, особенно близкого человека, – чувство интимное, личное, мусульманин должен проявлять выдержку и не избегать людей… Я понимаю, – продолжал мулла, – многим хочется уединиться, выплакаться в темном уголке своего одиночества, но шариат запрещает это. Здесь проявляется еще один глубинный смысл нашей веры. Бремя смерти надо разделять всем вместе, всенародно, дабы знали люди, что она неминуема. Дабы знали все, что никто не вечен. Никто ничего не заберет с собой. Тот, кто хитрит, пытаясь заработать больше благ и славы, обманывает в первую очередь самого себя. Все мы лишь временно находимся на этой бренной земле. Вот место, куда мы придем на вечный покой. От этого никто не уйдет. Вот место, где мы все равны. Вот место нашего ахирата, откуда предстанем перед Великим Аллахом. Уважайте это место. Здесь каждому из нас уготовано два метра земли.

Мула говорил жестко, лающим железным тоном ожесточенного человека. Речь была обрывистой и скачкообразной. Видно было, что он прожил нелегкую жизнь и одержим тревогой за будущее своего народа. Когда мулла кончил говорить, зарезали жертвенного барана. На поминальной трапезе все мужчины сидели в шапках. Старики, в высоких каракулевых папахах, располагались отдельно. Словно вожди побежденного злым и безжалостным недругом племени, они отрешенно молчали во время еды. Семь дней, утром и вечером, мужчины аула ходили на молитву к могиле Залму. После утренней молитвы я спешил к водопаду. Окунувшись в студеную воду, выходил на берег, отжимался на кулаках и отрабатывал удары. Я отрабатывал удары по незримым врагам.

На десятые сутки после похорон Залму тете Асли стало плохо. Нам пришлось срочно везти ее в город на операцию. Сразу после операции тетя Асли лежала в реанимационном отделении, не приходя в себя. Когда очнулась, первым произнесла мое имя; об этом мне сказала Мариям. Пройдя в палату, я сел у койки – прямо у изголовья. Тетя Асли, держа меня за руку, без слов глядела мне в глаза. Сидеть так становилось с каждой минутой все тягостней.

Тетина рука была холодной, липкой и так вцепилась в мою, что я не мог убрать ее, пока тетя не уснула. Тете Асли недолго оставалось жить – это я понимал. В груди у нее хрипело сильней, чем раньше, и слышно было влажное брожение мокроты. Воздух в палате был спертый, насыщенный лекарственными запахами. К левой руке тети была подвешена капельница. Я вглядывался в истончившееся, с высоким заострившимся носом, измученное лицо тети и старался искренне ей сочувствовать. Но чем сильней я этого хотел, тем больше меня тянуло поскорей уйти из этой больничной палаты. Выйти и глотнуть свежего воздуха.

Хачбар с Габибом объездили весь город, разыскивая адвоката Итул-Манапа. Кто-то из знакомых видел его у вора в законе Эльбруса и у Авку-Идовса.

– Сука! Как он посмел идти к ним без нашего ведома? – ругался Габиб. – Эта мразь знает многие наши дела. Как он посмел явиться туда, не предупредив нас?.. На днях будем выхватывать ногайского первого секретаря, – повернувшись ко мне, внезапно сказал он.

– И что это вам даст? Габиб с недоумением посмотрел на меня.

– Выкуп будем требовать. Он, гад, все степные районы высосал… Вот и будем жарить на сковороде, пока не расколется.

Я внимательно слушал.

– Он сам ногаец, а держит его второй секретарь райкома, русский, конченный гад. Этот второй приехал сюда из Москвы, как генерал-губернатор. Он хочет долю иметь от всего… Вот мы ему и дадим. Многие ребята на них злые, а эти шакалы Эльбрус и Авку-Идовс прикрывают их людей и получают свои крохи… Дешевки! – зло закончил Габиб.

Я попросил, чтобы меня отвезли домой.

– Ну как ты, определился или нет? – осведомился Габиб, прощаясь со мной.

– Думаю, да.

Глава десятая

Вечером приехал Эрик Семенович – приглашать меня на свой день рождения. Он и Юрий Михайлович в последнее время не знали, как показать свою любовь ко мне. После случая с Газали их никто больше не беспокоил. Сами они, многозначительно посмеиваясь, говорили: «Пока не тревожат!» На день рождения к Эрику я пошел с Шамилем. Меня встретило море улыбок. Я даже смутился – непривычно было такое радушие. Меня тут все знали. Многие их тех, кого я видел впервые, здороваясь, называли меня по имени. Все это было ново и необычно. Ни в какой другой компании мне не оказывали и доли такого уважения и почета. Я заметил краешком глаза, что на Шамиля никто не обращает особого внимания. С ним только здоровались – не больше. Я предположил, что меня здесь причисляют к тем, кого надо тайно побаиваться и кому следует вынужденно улыбаться. Я понимал, что это не так, но мне сладостна была сама эта мысль. Меседу еще издалека шумно приветствовала меня:

– Авчиев, а ты, оказывается, знаменитость!

– А ты как думала? – стараясь спрятать смущение, небрежно ответил я.

Высокий, спортивного вида парень уселся напротив Меседу и вовсю любезничал с ней. Она представила мне своего собеседника:

– Михаил Авербух. Между прочим, боксер, владеет нокаутирующим ударом.

– Мне что, воспринимать это как предостережение, что ли? – Я хотел придать своим словам оттенок шутки, но улыбка получилась фальшивой, а тон – настороженным, даже угрожающим…

– Это Меседу пошутила, – весело пояснил Михаил.

Меседу, подперев голову, с улыбкой исподлобья глядела на меня.

– Ну и что, даже если у тебя нокаутирующий удар? – сказал я, вдруг раздражаясь. – Да, ничего, ничего. Успокойся, Ансар, – встревожилась Меседу.

Неожиданно появились Хачбар с Габибом. Они прошлись по залу, перекидываясь словом-другим со знакомыми, ни с кем более не здороваясь. Эрик Семенович, виновато улыбаясь, вышел им навстречу, но Габиб с Хачбаром проследовали мимо него -ко мне.

– Ансар, салам! Братан, хоть бы ты намекнул нам.

– Да я сам сюда почти случайно попал, – начал было я оправдываться и тут же устыдился собственных слов.

Пришедшие равнодушно поздоровались со всеми, кто сидел за нашим столом.

– Они что, не с тобой?

– Да нет…

– Ты, встань, когда старшие подошли! Или ты не здесь воспитывался?! – Хачбар бесцеремонно поднял Авербуха и какого-то, рядом с ним сидевшего парня.

– Это жиды, я-то думал, они с тобой, поэтому поздоровался… У них, небось, полная задница радости, что мы первые подали руку. – Хачбар говорил громко, не беспокоясь, что его могут услышать. Поймав мой взгляд, добавил:

– С ними только так и надо… Такие визиты их больше впечатляют, чем простые наезды с мордобитием…

– Меседу, ничего, что мы так откровенны? Ты же у нас своя? – вмешался, усаживаясь, Габиб.

– Да куда уж больше…

– Успокойся, дорогая. Меня в школе учили, что за откровенность прощают все. Откровенность – это правда. Так-то, дорогая.

– Я тебе не дорогая! – гневно насупилась Меседу.

– Что за сердитый тон! Улыбайся, козочка.

– Слышишь ты, Габиб! Мне начинают надоедать эти странные наезды на моих знакомых в моем присутствии.

– Я почувствовал, как беспокойно стал биться пульс у меня в висках. Габиб, лениво щипавший гроздь винограда, остановился и молча уставился на меня.

– Ты что, Ансарчик, с друзьями задираешься, притом с друзьями твоего дяди?.. – начал было Хачбар, но Габиб ладонью закрыл ему рот.

– Ансар, извини, пожалуйста. Мы действительно не должны были так вести себя в твоем присутствии.

Габиб поднял Хачбара, налил ему и себе шампанского. Повернувшись к Эрику, они залпом выпили за его здоровье. После чего удалились, помахав мне на прощание рукой.

– Завтра увидимся, – сказал Габиб уходя, буднично, без всяких эмоций.

– Сегодня ты держался молодцом. – Меседу пожала мне локоть.

– Уже секретничаете? – Михаил Авербух вернулся на свое место как ни в чем не бывало.

Прервав нашу беседу, он снова начал шутливо болтать с Меседу. Теперь он не обращал на меня никакого внимания. Минуты две я сидел молча, будто оплеванный.

– Ты, хмырь! Ты что, вообще ничего не соображаешь, мать твою? – Я вдруг с яростью стал подниматься из-за стола.

– Ансар, что с тобой?.. Прекрати, пожалуйста!

– Пошла ты, овца натуральная!

Кровь ударила мне в голову. Я перевернул стол. Все эти люди в нарядных костюмах и платьях, лица миловидных девушек и незнакомых парней, что-то судорожно произносящие губы Эрика Семеновича, – все это поплыло у меня перед глазами в горячем мареве злости. Я лишь ощущал, как ток нахлынувшей крови заполнил красным дурманом голову. Я чувствовал, что нахожусь в победоносном экстазе, и ничто не может остановить меня. В такие минуты я не испытывал страха, даже если на меня пошли бы со штыками и топорами. Я с детства инстинктивно умел пробуждать в себе это безумное свойство дурной, бешеной крови. Я ударил Миха-

ила, но он сумел устоять на ногах. Губа у него была рассечена, кровь капала на белую рубашку. Авербух не ответил ударом на мой удар, вроде и не собирался мне отвечать. Он даже не защищался. Я ударил его в открытое лицо второй раз, и он с грохотом рухнул на пол. Постепенно, прояснившимися от мути глазами я начал различать растерянные лица, столы, заставленные всевозможными яствами, пышное, праздничное убранство, цветы в вазах. Некоторые девушки плакали. Одна, русоволосая, в истерике пыталась броситься на меня. Я подхватил под мышки лежавшего без сознания Михаила и потащил в ванную. Какая-то женщина в летах помогла мне. Вошедшая вслед за нами Меседу тихо сказала, что я негодяй.

– Меседу, исчезни, пожалуйста…

– Не исчезну… Я тебя не боюсь. Ты же псих и дурак, оказывается… Ну, ударь, ударь меня! Тебе лечиться надо, ты псих!

– Ты только сейчас узнала?

– Давно догадывалась. Михаила приводили в чувство вошедшие в ванную ребята. Я помыл руки под краном, механически вытер их и вышел в коридор. – Ансар, не понимаю, за что ты его ударил? – сверля глазами, не отставала от меня Меседу. Ее голос срывался и дрожал. Лицо у нее сейчас было строгое, бледное и красивое. Губы бескровные, плотно сжатые.

– Ну, прошу тебя, объясни, за что? – повторяла она. – Ты его ударил из зависти… за то, что он красивый… Отвечай мне, подлец! – Меседу была близка к истерике. – Ты его ударил, потому что у него братьев нету, да? Потому что он еврей и не будет тебе мстить?… Потому что он из интеллигентной семьи и из родных у него одна мать? Отвечай! – Голос Меседу сорвался на крик.

– Пошла вон, дура, пока я тебя не задушил! – Кровь вдруг с новой силой начала стучать у меня в висках.

– Ненавижу, урод! – выкрикивала в исступлении Меседу. Ее удерживали несколько девушек и Эрик Семенович. – Ненавижу вас, уродов, спустившихся с гор, чтобы портить жизнь честным, нормальным людям!..

Возвращаясь по темным улицам домой, я тихо улыбался. Я улыбался счастливой улыбкой кровника, только что отрезавшего голову своему врагу. Мне было сладостно и спокойно. Я видел словно со стороны, как сияют во тьме в волчьей ухмылке мои зубы.

Глава одиннадцатая

Габиб и Хачбар отловили адвоката Итул-Манапа, и мы повезли его за город на дачу. Адвоката посадили на стул посреди пустой комнаты. Габиб и Хачбар били его долго, спрашивая о связях с Эльбрусом и Авку-Идовсом. Кровь с лица Итул-Манапа капала на газету «Правда», расстеленную на полу. Вечером Габиб признал измордованного Итул– Манапа ни в чем не виновным. Они с Хачбаром умыли его и долго налаживали с ним отношения.

Эрик повел меня к человеку по имени Руслан, который занимался подпольным производством водки. Руслан поведал мне, сколько у него цехов по всей республике, а также по Чечне и Кабардино-Балкарии. Он говорил, что пошли крупные бабки и именно к тем кланам, которые он вчера еще поднимал из нищеты своими же руками. Он спросил, можно ли будет для начала прикрываться моим именем и вообще рассчитывать на меня в случае различных передряг и разборок. Я ответил: – Давай, пожалуйста. Но не переоцениваешь ли ты меня. Не такой уж я большой авторитет кавказского масштаба. На это он лишь лукаво улыбался: дескать, говори, говори, я-то знаю, что это из скромности! С Русланом мы сработались. Постепенно все дела и связи его вместе с цехами перешли ко мне.

К середине весны приехал в отпуск старший брат. Он учился в Высшем военно-политехническом училище во Львове. При его атлетическом сложении ему очень шла военная форма. С его приездом в доме стало празднично. Мариям готовила всякие разносолы, а отец собирал нас всех вместе, вспоминал наше детство, шутил. Каждое утро брат будил меня рано, и мы бегали к морю.

– Лакцы потеряли тонус. Лакцы утратили признаки дикой нации. Подражают цивилизованным европейским народам и будут за это наказаны! – говорил брат.

– Кем? – удивлялся я.

– Теми же родственными нам племенами, которые еще сохранили племенные и общинные связи. Они сохранили свои мусульманские корни. Нам нельзя было забывать, в каком краю, среди каких народов мы живем. Брат говорил, что лучшие, благородные побуждения малых кавказских народов выглядят преступными в глазах имперского народа, в состав которого мы входим. Русские не дают ни одного ключевого поста нашим генералам – брат упомянул о пяти лакских генералах, об аварце Танкаеве, который давно заслуживает звания маршала, и о чеченце Дудаеве.

Для меня было новостью, что мы являемся колонией России. Брат с гордостью повторял, что, хотя Дагестан и Чечня – едва ли не самые малые по территории республики, они активнее всех других борются за свободу. Когда-то они были насильственно присоединены к Российской империи. Брат не без удовольствия сообщил, что он у себя в училище держит кавказскую шашку. Я спросил брата, не является ли национализмом то, о чем он говорит.

– А по-другому невозможно в России. Тут тебе на каждом шагу напоминают, откуда ты.

Дважды мы ходили на свидание к дяде Муртузу в Шамхальскую тюрьму. Муртуз просил всячески поддерживать Авку– Идовса и Эльбруса.

– Ни в коем случае не спускать глаз с Габиба! Старайся быть в курсе всех его дел, – наставлял меня дядя Муртуз.

– Эльбрус суется в мои водочные дела.

– Не беспокойся, я напишу ему маляву. Малява – по-блатному значит записка.

– Что за кошмар?! В какие дела ты залез? – спрашивал меня старший брат, когда мы возвращались из тюрьмы.

Я в общих чертах обрисовал ему все. Мое положение сильно его озадачило. Он долго молчал, вздыхал и, видно, не знал, как быть. Уезжая, он подарил мне финский нож.

– Ансар, ты, я вижу, впутался в опасные дела, и одними моими подсказками здесь не поможешь. Если станет невмоготу – всади этот нож в грудь врага и считай, что это сделал я.

Брат уезжал с тяжелым сердцем. Он, конечно, переживал за меня. Он опять с горечью говорил о русеющем лакском народе. Удрученный словами брата, я спросил, что же делать. Есть ли у нашего народа шанс?

– Я стану генералом и вместе со всеми лакцами возглавлю борьбу горцев Кавказа против России – только это нас спасет!

Ажай сперва гадала мне по руке. Говорила, что у меня глубокая линия любви – и не одна! Потом жарко поцеловала меня в ладонь и, вся сияя – она умела создавать атмосферу праздника! – прижалась ко мне. Так меня не целовала ни одна женщина.

– В тебе борются противоположные гены – ученого и бунтаря, – говорила она. – Ансар, ты из тех мужчин, которые за тридцать лет растрачивают весь свой жизненный ресурс. Ты волевая натура, думающая, и поэтому быстро познаешь и износишь себя… если рядом не будет такой спутницы, как я! – Ажай весело рассмеялась, сплела свои пальцы с моими и так плотно сжала мою ладонь, что я почувствовал твердые костяшки ее пальцев. Она без конца целовала меня.

– Я навеки твоя, Ансар, – говорила она всерьез, но в то же время как бы посмеивалась над собой. – Мы не будем клясться, ничего мне не говори, я и так знаю.

Мы не спали до утра. Я не чувствовал усталости. Солнце достало нас через окно. Его лучи осветили ее густые каштановые волосы, в которых кое-где светлели выгоревшие пряди. Она вроде радовалась, что стала женщиной, и, к моему удивлению, не проявляла ни беспокойства, ни страха – хотя бы перед своим братом Габибом. Я не ожидал от нее такой смелости. Лишь

перед самым расставанием она напомнила мне, что выросла в семье, где строго соблюдают горские обычаи.

– Относись, пожалуйста, ко мне серьезно. – Ажай поцеловала меня в ладонь, шепнув на ухо, что будет гордиться тем, что лишь одного мужчину знала в жизни – но какого! Ажай произнесла эту клятву и ушла..

Глава двенадцатая

Ногайская степь! Тишь и покой! Над равниной сонно повисли клочья белого утреннего тумана – точно языки застывшего пламени. Где-то щебетала ранняя птица – наверно, жаворонок. Степь пробуждалась еще несмелым высвистом птиц, край неба алел перед восходом. Я ощущал тупую усталость бессонниц и чувствовал первобытную нежность пробуждающейся степи. Легкий мандраж опасности щекотал мои нервы.

Мы тихо въехали в еще спящий поселок. Перелезли через высокую ограду местного босса – Батрби. На всякий случай перерезали провода. Собакам еще ночью были брошены через забор куски отравленного мяса. Поэтому мы беспрепятственно миновали двор и вошли в прихожую. И тут по нам открыли беспорядочную пальбу с другой стороны двора. А Итул-Манап и наводчик заверяли, что, кроме Батрби с семьей, в доме никого не будет. Несколько раз открывалась дверь из внутренних комнат: оттуда кто-то пытался достать нас кинжалом. Мы, словно загнанные звери, не знали, что делать. Пытаясь прорваться обратно, я не единожды выскакивал во двор и попадал под прицел охотничьих ружей. Мои попытки достать противников коротким ятаганом не увенчались успехом. Черные дула были наставлены прямо в мою голову. Но почему-то в меня не выстрелили. Наконец, мне удалось добежать до ворот и открыть их. Собираясь уходить, я краем глаза заметил, что подстрелили Шамиля. Ни в чем не повинного! Шамиля, который лишь случайно, из-за меня, оказался в нашей компании. Я вернулся и забрал Шамиля, оставив два трупа ногайцев во дворе. Шок прошел, я готов был сражаться с кем угодно. Я был в какой-то эйфории. Занося раненого Шамиля в машину, рукояткой ятагана отключил еще пару соседей Батрби, пытавшихся помешать нам уйти. Габиб и Хачбар затащили Батрби в заранее приготовленный рафик. За нами тут же пошла погоня. Хачбар и Габиб на ходу выкинули Батрби из машины. Операция прошла неудачно. Надо было думать, как избежать столкновения с милицией. По пути я осмотрел рану Шамиля. Она, мне показалось, была неопасна. Попали в ногу, как и Искандару.

Вот уже третьи сутки мы скитаемся по голой и унылой ногайской степи. Мы сами обрабатываем рану Шамиля и сами перевязываем ее. Шамиль ничего не ест, и от него несет кислым запахом желудочного сока. Когда мы останавливались на привал, его тянуло говорить со мною о женщинах. Ему хотелось говорить о Меседу. Он часами готов был толковать о ее достоинствах. Он не мог нахвалиться ее женскими прелестями, переходя от округлых грудей и тонкой талии к бедрам и ножкам.

– Совершенство, само совершенство, – повторял он, закрывая глаза.

Он рассказывал, что однажды, будучи у нее дома, вдруг увидел, как пролегло тонкое платье между ее бесподобных ягодиц. Его это так возбудило, что он чуть не изнасиловал ее. Даже нечаянно коснувшись ее, он испытывал удовольствие.

– Но ничего бы у нас не вышло… И знаешь почему?

– Почему?

– Потому что я думал – она с тобой. Я страшно завидовал тебе. Скрывал это, мучился… А у вас, дурак, оказывается, дружба!

– Шамиль, давай о чем-нибудь другом. Что за страсти на тебя нападают?

Но его все тянуло говорить на интимные темы – о Меседу и о женщинах вобще. Он слишком приближался ко мне. Я отодвигался, чтобы не отравляться кислыми парами его дыхания, но Шамиль, не замечая этого, все равно придвигался. Меня это раздражало и выводило из себя.

Люди Габиба докладывали ему, что вся милиция поднята на ноги. Это чудо, что мы еще не попались. Шум-гам получился большой, так нам сообщали наши связные.

Однажды я заснул в полдень, разомлев под теплыми лучами весеннего солнца. Проснулся озябший, со смутным ощущением тревоги. Рука и один бок точно отнялись. Смотрю – вся рука и правая сторона груди покрыты муравьями. Красновато-рыжими весенними муравьями. Они кишели на мне – сверху и под одеждой, покрывая легкими укусами тело. Пробуждающаяся природа послала мне маленький презент.

Люди Габиба должны были ждать нас за Тереком, невдалеке от поселка Берюзак. В степи посторонние не остаются незамеченными, и мы, где пешком, где на своей «Ниве» (мы успели сменить машину) всякими окольными путями пробирались к реке. Ногайская степь перерыта арыками, канавками, каналами, которые создавали нам множество трудностей.

Серый, пасмурный день. Ветер кувыркал по степи серые, выцветшие кусты перекати-поля. Они двигались, словно живые, напоминая побитую, удирающую от опасности волчью стаю. За земляным склоном очередного канала мы укрывались от неутихающего ветра. Он пронзительно свистел в камышах. Хачбар вдруг завыл по-волчьи. Мы решили устроить соревнование -у кого лучше получится. Когда очередь дошла до Шамиля, я испугался. Вой у него получался тонким срывающимся, хотя он злобно, по-волчьи старался оскалить свои поредевшие зубы и опухшие десны. Страшно было смотреть, как воет Шамиль. По всему было заметно, что дни его сочтены.

Перейдя поросшую камышом канаву, мы увидели телеграфные столбы. Они мощно гудели, словно пытаясь разогнать серую тоску степей. Мы припали, как дети, ухом к столбам и слушали их, как живых. Шамиль лег на землю и сказал, что дальше не пойдет.

– Чем так мучиться, лучше смерть или тюрьма, – заявил он.

После долгих уговоров нам удалось донести его до одинокой хижины чабана. К хижине примыкали загоны для овец. Невдалеке виднелись густо поросшие камышом берега большой реки. Они круто возвышались над унылой равниной. Мы подумали, что это и есть Терек. Чабаном оказался акушинский даргинец. Он принял нас без колебаний. Ничего не стал спрашивать – сообразил, что мы из тех людей, о которых лучше ничего не знать. Чабан одернул свою хозяйку, которая принялась было за расспросы: что-де случилось с Шамилем, что это у него за рана?

– А тебе какое дело? – прикрикнул он на жену. – Иди лучше хинкал готовь.

Чабана звали Рабадан. Всем своим поведением он давал понять, что ничего лишнего о нас выведывать не собирается. Он как бы говорил: «Ребята, у вас свои дела, а у меня свои!» Мы расположились в полусарае-полукладовке – другого свободного помещения у него не было. Ночами у Шамиля поднималась температура, он сильно потел. Я боялся, что он так же, как Искандар, начнет бредить. Мы не спали ночами, ухаживая за ним. Хотя Хачбар и Габиб не проявляли тут особой активности – помогая, они во всем полагались на меня. У нас хватило ума не устраивать разборок из-за неудачи. Мы молчали об этом, как бы следуя негласному уговору. Каждый понимал, что начало таких разборок будет нашим концом.

Утром глаза у Шамиля были воспалены и болезненно слезились. Продубевшее на степных ветрах лицо было красным, кожа шелушилась. Хозяева усадили нас за стол, чтобы позавтракать вместе. Рабадан занес в дом печень и легкие только что зарезанного барана. Хозяйка забрала их для разделки. С печени еще капала свежая кровь, а легкие были местами поражены синевато-черными узлами – от какой– то неизвестной нам болезни. Рабадан сел и, поправляя потертый полушубок, глядел, как мы вяло едим овечью брынзу со вчерашним хинкалом. Он то и дело трогал обтрепавшуюся кожаную повязку на большом пальце правой руки.

За окном расстилалась слившаяся с небом и не отличимая от него унылая Кара-Ногайская степь. В сером просторе ветер кружил рыжие соломинки прошлогодней пшеницы – оче-

видно, сорванные со скудных остатков ближайшего скирда. Даргинец время от времени вздыхал, а его хозяйка меж тем уже начала подавать мясное.

– Как быстро изменился мир! – начал Рабадан: было заметно, что он заранее подготовил свою речь. (То-то он так скованно держался.) Речь была философическая – о бессмысленности жизни. О том, как он трудился не покладая рук, не щадил себя, скапливая богатство, а все оказалось обманом. – Меня всю жизнь тянуло на тот путь, по которому вы идете. Мне это нравилось, мне этого хотелось, но то ли друзей таких не нашел, то ли духу не хватило. Я хотел, чтобы конец был хороший… Но то дело, которое вы делаете… этот ваш путь!.. Это красиво, благородно! Вы не воруете, как крысы, по мелочам, а отнимаете, как мужчины, то, что положено народу и вам.

– Что это за «наш путь»? О чем ты, Рабадан? – с расстановкой, улыбаясь, спросил Габиб.

У Рабадана забегали глаза. Сперва он засмущался, не зная, что ответить, а потом стал лукаво улыбаться.

– Ваш путь… Ну-у… Вы сами знаете, чего об этом говорить. – Он протяжно вздохнул.

– Правильно рассуждаешь, отец, правильно! – Видимо, завтрак взбодрил Хачбара, и он решил поддержать разговор. – Человек человеку – враг. Ты об этом слышал, наверное? Между людьми идет борьба за выживание. Идет тихая война между людьми. Но мы же не тихушники, мы мужчины! Верно, отец?

– Валлах, верно, очень даже верно! – замахал руками Рабадан.

Под конец разговора Рабадан пожаловался на своего председателя колхоза и на участкового милиционера– ногайца. Председатель требовал от Рабадана сократить поголовье рогатого скота в личном хозяйстве и грозил, что конфискует излишек в пользу колхоза. Председатель часто натравливал на него участкового, и Рабадан постоянно конфликтовал с ними. После короткой паузы Габиб с Хачбаром пообещали разобраться с обидчиками, но немного позднее. Это «немного позднее» Габиб произнес многозначительным тоном: ты, мол, решил нас загрузить – пожалуйста, но сперва выполни наши условия. Глаза Габиба при этом светились ехидным блеском. Я-то знал его. Мне было прекрасно известно его умение загружать других. Он-то никогда не упустит случая. Вот и сейчас я думал: как же так получилось, что мы с Шамилем оказались втянутыми в это дело? Я даже не спросил их, зачем и почему. Я и задуматься не успел, для чего мне это нужно: настолько грамотно был ими повязан.

– Рабадан, ты, наверное, знаешь поселок Берюзак? – уверенным, почти командирским тоном осведомился Габиб.

– Конечно, знаю. Это за Тереком, – с готовностью отозвался чабан.

– Вот и прекрасно. Поедешь туда на нашей «Ниве». Кстати, ты водить-то умеешь?

– Да. У меня была своя машина.

– Вот и прекрасно. Поедешь туда… Знаешь, где паромная переправа?

– Конечно.

– Так вот, поедешь туда и привезешь сюда троих моих людей. – Габиб сказал не «наших», а «моих». Подобные мелочи проявлялись у него во всем. Он умел незаметно переключать все на себя.

– Один из них – врач с военно-полевым рентгеном. Это необходимо для лечения нашего друга, – Габиб указал на Шамиля.

Принимая ключи от машины, Рабадан всем видом показывал, что понимает важность порученного ему задания. По-видимому, вдохновленный таким доверием, он уже с крыльца вернулся и стал рассказывать, как искусно владеет ножом. Он, Рабадан, всю жизнь режет баранов и разделывает бараньи туши. Он привык резать баранье мясо. Какая разница, баранье резать или человеческое!

– И там режешь мясо, и там, – интимно понизив голос, говорил он, – так что имейте в виду мои таланты!

– Разница-то есть между бараниной и человечиной, но небольшая,– уточнил, посмеиваясь, Габиб.

– Совсем небольшая, чуть-чуть! Ну, иди, Рабадан, давай, мы ждем!

Уходя, Рабадан наказал хозяйке, чтоб та глядела за нами в оба. Он говорил по-даргински, но я знаю этот язык.

Врач осмотрел рану Шамиля и сразу же решил оперировать. После осмотра раны он выглядел озабоченным, хмурился. Мы ассистировали ему при операции. С помощью переносного военно-полевого рентгена выяснилось, что в икроножной мышце Шамиля засело не менее тридцати шести дробинок. Лишь шестнадцать из них нам удалось извлечь. – Добраться до остальных в таких условиях практически невозможно, – все так же хмуро заметил врач. – Нужно освещение, зажимы для артерий. Многие дробинки проникли до кости. И вообще положение очень сложное. Когда мы отвели врача в сторону он сказал, что процесс газовой гангрены уже начался и он боится, как бы до ампутации не дошло.

– Да что ты говоришь?! Неужели дело настолько серьезно? – испугался я.

– Боюсь, что дело намного серьезнее!

Посовещавшись, мы с Хачбаром и Габибом решили завтра же отвезти Шамиля в Кизляр и сдать в больницу.

Вечером приехал участковый милиционер-ногаец. Услышав звук мотоцикла, мы спешно перенесли Шамиля в кладовку и закрылись там. Милиционер и Рабадан говорили на кумыкском. Хачбар и Габиб чуть-чуть понимали по-кумыкски и перевели мне: участковый спрашивает, что за «Нива» во дворе и где на нее документы.

– Вот козел! Ногайская рожа, попался бы он мне где-нибудь в другом месте! – сквозь зубы процедил Хачбар.

Я все время следил за вспотевшим Шамилем. Он лежал тихо, но, казалось, вот-вот застонет. Наконец, раздался треск мотоцикла, и мы поняли, что ногаец уезжает. Рабадан зашел в кладовку.

–Вот ишак, руцы моргали! – ругался он на даргинском. – «Мо-о-шина чья?» – говорит. «Муй родственник пириехал на нем», – говорю. «Завтра пириду, – говорит, – рыба пашла, – говорит, – икра надо сабират». Ун пири дет с бараконьерами, билять.

– Подожди, Рабадан! Теперь уже это и нас коснулось. Мы специально приедем наказать этого козла,– заявил Хачбар. – И твоего председателя тоже. Мы их обязательно накажем!

На следующее утро перед отъездом в Кизляр мы втроем понесли Шамиля в камыши, чтобы он мог справить нужду Выбираясь из камышей, увидели, как к дому Рабадана подъехали два мотоцикла с колясками. Участкового мы узнали сразу же и подались обратно в камыши. Когда браконьеры со снастями двинулись в нашу сторону, мы постепенно отступили еще дальше в глубь зарослей. Под ногами было уже мелководье, а кое-где и болотистая тина. Осторожно пробираясь сквозь густые заросли, мы старались не шуметь и не наступать на стебли камыша, с треском ломавшиеся под ногами. Заботились лишь о том, чтобы нас не услышали, и, конечно, не могли не промочить ноги. Кто-то из нас успел уже оступиться в тину по колено. Продвигаясь по бобровому броду, добрались до маленького, голого, окруженного камышом островка, и стали ждать отъезда участкового. Ночью Рабадан не выдержал и выстрелил в воздух. Якобы охраняя загон с овцами, он выкрикивал, как это делают караульные, грозные слова то на ломаном лакском, то на аварском, то на даргинском. Он кричал, чтобы мы не выходили из камышей.

– Хоть бы молчал, дурак! Будто мы сами не понимаем… Догадаться ведь может ментура, – возмущался Габиб.

Стало жутко холодно. Промокшие ноги давно окоченели. Вернувшийся с разведки Хачбар сообщил, что эти козлы поставили палатку прямо у выхода из камышей и развели костер. –

Боюсь, что они не собираются уходить. Рабадан говорил, что браконьеры воруют друг у друга снасти. Вот они на ночь и остаются у берега.

– А нельзя ли обойти их с тыла?

– Да нет, все равно услышат…

– Придется ждать до утра.

– Этого кайфа нам еще не хватало.

Шамиль стал замерзать. Мы накинули на него всю нашу верхнюю одежду, но он все равно мерз и даже перестал чувствовать свою больную ногу. Свинцовая сырость проникала аж до самых костей. Какая-то глупая безысходность. Попасться на глаза участковому никак нельзя: если он нас заметит, придется его убить. То же пришлось бы проделать и с остальными, а это без шума почти невозможно. Решили терпеть до утра. Шамиль лежал на толстом куске брезента, который мы использовали как носилки. Он был укрыт нашей одеждой. Чтобы хоть как-то согреться, мы отжимались на кулаках, делали приседания и прочую физзарядку. Утро наступало медленно, словно испытывая наше терпение. Поодаль, в густых зарослях камыша что-то мычало и издавало глухие протяжные вопли. Среди разнообразных ночных шумов я различал голоса пеликанов, пролетающих цапель, свист режущих воздух острых, как кинжальчики, крыльев лесух. Утреннее небо цвета оконного стекла светлело, даже не заалев от восхода. Все кругом – и степь, и камыши, и вода – было одного тона с небом. В другое время мне бы это необыкновенно понравилось. Здешние места показались бы мне умиротворяющими и желанными. Но сейчас все меня раздражало. Шамиль воспаленными, слезящимися глазами глядел на меня – взором родного, близкого человека. Он был в болезненном жару, но взгляд его оставался спокойным. Он словно понимал безвыходность ситуации. Он мог рассчитывать только на меня. Сам он был абсолютно беспомощен. Впрочем, наше положение было немногим лучше.

На исходе ночи продрогшие до костей Габиб и Хачбар поглядывали так мрачно, что мне подумалось – они могут пойти на любую крайность, не беря в расчет состояние Шамиля. Я сказал им, чтобы они не делали глупостей. Они как бы не заметили моих слов.

– Да ладно тебе… – лишь бросил Хачбар.

С заговорщическим видом они начали о чем-то шептаться, встав поодаль от нас с Шамилем. В такие минуты нюх у меня становится особенно острым. И он меня еще никогда не подводил. Я глянул поверх волнующегося на ветру бескрайнего камышового простора. Вдалеке, на горизонте, он почти сливался с небом. Камышовая чаща колыхалась, как безбрежное море, величаво и свободно. Она жила своей особенной жизнью. Холодный степной ветер продолжал беспрерывно свистеть в ушах. Как мне хотелось, чтоб он хоть на минуту утих! Среди старых крепких тростин встречались еще неокрепшие прошлогодние, с красненькой дугой в ко¬леночках, стебельки молодого камыша. Они угодливо гнулись, жалостливо подпевая ветру. Они, как пастушьи свирели, одиноко и горько посвистывали, словно устав от одиночества и безысходности жизни.

– Наше могучее терпение я запишу себе в минус! – Нервно поигрывая желваками, Хачбар снял намокшие ботинки и носки.

Кожа на его ступнях, сморщенная от сырости, была белая-белая и местами словно налитая серовато-синим холодом.

– Как это мы вчера не догадались? – Габиб тоже разулся, обменялся выразительным взглядом с Хачбаром, и пошел впереди него по бобровому броду.

Они старались ступать в воде как можно осторожнее, чтобы не слышны были всплески. Я остановил их, зайдя спереди, – достал и перезарядил свой «макар». Габиб вытаращил на меня глаза.

– Ты че это, Ансар?

– Советоваться надо, соратнички. Или вы нас с Шамилем уже списали? А?

– Вот это да, дружок. Ну и кренделя ты отмачиваешь! – Габиб изучающе бегал по мне глазами, точно видя в первый раз. – Дай хоть в себя прийти.

Он нагнулся, обеими ладонями плеснул в лицо болотной воды, отфыркиваясь, помотал головой, так что веером полетели брызги. Выпрямился – вода катилась с мокрых волос щетины недельной давности ему за ворот. Габиб явно хотел что-то предпринять. Старый подлый городской трюк. Он видел, а когда нагнулся – чувствовал, что я все это время целюсь из пистолета ему в голову. Поэтому ни на что не решился. Габиб и Хачбар оба были вооружены, но рисковать не хотели.

– Ансар, ты что, не понимаешь? Этих козлов валить надо, другой дороги нам нет. У тебя что, яйца отсохли от страха или ты хочешь отправить Шамиля дорогой Искандара?

– Не сомневаюсь, Габиб, в правильности твоих речей. Но советоваться надо, дорогой. Надо бы и нашим с Шамилем мнением поинтересоваться!

– Не кричи, Ансар, услышать могут, – вмешался Хачбар. – Разве мало для них места в этом большом камышовом море? Пусть кормят рыб.

– Тем более что на рыбе они и выросли! – хмыкнул Габиб.

– Но это же конец!.. Мы под вышак пойдем. Да еще Шамиль в таком состоянии…

– Обратной дороги нет, Ансар! Пойми это…

С островочка, где остался Шамиль, раздался всплеск воды и хруст камыша. Опустив пистолет, я поспешил туда. Оказывается, Шамиль хотел подняться, но, не сумев устоять на ногах, рухнул в воду – лицом вниз. Он судорожно барахтался в воде, беспомощный, как ребенок. – Шамиль, что ты натворил, черт тебя подери? Как мне теперь тебя высушивать? Я вытащил его на островочек и уложил на брезент. Его лицо и лоб были намазаны илом и кое-где порезаны камышом. Сквозь подтеки грязи сочились мелкие капли крови. Я вымыл ему лицо и руки, выжал его верхнюю одежду и завернул его в брезент. Затем, попросив полежать некоторое время спокойно, направился туда, где должны были находиться Хачбар и Габиб. Осторожно, без единого всплеска вынося каждую ногу из воды, раздвигая камышовые заросли, я бесшумно вышел на берег. Хачбар с Габибом в это время уже были у палатки. Габиб обошел ее с тыла и затаился сбоку от входа. Хачбар поднял брезентовый полог и, нагнувшись в темноту проема, сказал:

– Ассаламун алейкум, мусульмане! Из проема высунулась непокрытая голова участкового, а вслед за ней – русоволосая – браконьера.

– Земляки, закурить не будет? – спросил Хачбар запросто, точно мимо шел.

– А ты откуда взялся в такую рань? – начал было ногаец, но Габиб тут же огрел его рукояткой пистолета.

Браконьера Хачбар сразу проткнул насквозь заранее приготовленным тесаком. А милиционера с первого раза вырубить не удалось, и его убивали долго. Он сопротивлялся со всей неистовой жаждой жизни – словно бешеный зверь, словно раненый кабан. Он вопил, визжал, стонал и молил о пощаде. Я подошел к палатке, когда Хачбар с Габибом, переводя дыхание, отрывисто рассуждали о том, что нынешние ногайцы – это уцелевшие потомки нукеров славного хана Нугая. В непобедимой монгольской орде дружина Нугая славилась особой неукротимостью, дикостью и строптивостью нрава. – Накажи меня Аллах, если этому советскому участковому не досталась изрядная порция тех бешеных нугаевских генов, – говорил Хачбар, вытирая окровавленные руки о сухую степную траву.

– А где третий? – озирался Габиб.

Затащив трупы в палатку, мы вспомнили о Рабадане и бросились к его жилищу. Нашей «Нивы» во дворе не было. Дверцы хижины были распахнуты настежь, жилая комната и кладовая, где мы ночевали, оказались пусты. В них стоял особый, запомнившийся мне запах.

– А-а-ах, скотина! Он нас вычислил и опередил. – Габиб стал нервно ходить взад и вперед.

– Габиб, по-моему, пора делать ноги – хотя бы на ту сторону Терека, – тихо, изменившимся низким голосом выговорил Хачбар.

– Да, да. Но третьего надо найти. Трупы – в камыши, Шамиля – на берег.

Подойдя к Тереку, мы встретили оставшегося браконьера, выходившего из камышовой протоки. Он шел медленно оставляя круги на воде, в высоких резиновых сапогах до паха. Ничего не подозревая, он удивленно глядел на нас Мало того – он улыбался нам. Хачбар застрелил его в упор. Во лбу образовалась маленькая дыра, а из затылка брызнул поток алой крови вперемешку с мозгами. Убитый плюхнулся в холодную темную воду. Вода Терека была так темна, что казалась черной. Она несла куски жухлого, хрупкого льда с отрогов Кавказского хребта, где берут начало речные истоки. Но, как ни темна была вода, бурое пятно отчетливо проступало на ее сумрачной глади. Оно расплывалось вокруг русой головы браконьера. Вытянув за руки тело на берег, мы быстро потащили его в глубь камышей. Ощущение плохого конца не только не покидало меня, но усиливалось с каждой минутой. Он, этот конец, был близок, он был уже совсем рядом. Он был настолько близок, что я забыл про холод и про мокрые, окоченевшие ноги.

– Ты че это такой бледный? – вдруг решил заговорить со мной Хачбар.

Я промолчал, не хотелось ни о чем толковать. Все было мерзко и безрадостно.

– Ты чего это такой чувствительный, Ансар? Черт побери, я-то думал, ты наконец привыкнешь к покойникам! Мы ведь мужчины…

– Что ты мне чешешь – чувствительный, нечувствительный, мужчины?.. Тебе ли говорить мне о мужчинах! – Я отпустил руку покойника и остановился. Труп, всей своей тяжестью подмяв камыши, плюхнулся в воду: Хачбар с Габибом тоже выпустили его из рук. – Что вы из себя героев корчите? Не я ли вас видел в панике на дворе у Батрби? Как у вас пятки засверкали, когда стрелять начали…

– Тьо, тьо, тьоо, тьоооо, остановись, дорогой, тебя сильно занесло! – вмешался Габиб. Этим своим «тьо» он словно строптивого коня останавливал. – Утром ты на меня пистолет наставляешь, теперь в трусости винишь… Это что за фокусы?

– Да что мы с ним цацкаемся, Габиб?

– Подожди, Хачбар, не спеши! Сейчас не время. Не сейчас! – Габиб правой рукой слегка придержал Хачбара.

– Ты, Хачбар! – крикнул я. – Ты чего за пазуху руку суешь? Думаешь, здесь беззащитный браконьер?

– Что вы оба, сдурели, что ли?! – Габиб уже удерживал нас обоих, попирая ногами труп. В конце концов, он уговорил нас воздержаться от выяснения отношений, дабы по-свойски разобраться потом. Стоя между нами, он еще долго не давал нам пошевелиться, ожидая, пока мы оба не успокоимся и не пожмем друг другу руки.

Рядом, как вспаханное черное поле, как черный дракон, бесшумно простиралась Терек-река. Она неслась, как наша мрачная жизнь. Ее движения можно было бы не заметить, если бы не влекомые течением льды. Шамиль глядел на меня слезящимися, воспаленными глазами. Он глядел на меня как бы из глубины, словно из тьмы колодца – безнадежно и безысходно. Так безнадежно, что даже не надо было усилий, чтобы что– то объяснять друг другу. Не надо протягивать друг другу руки. Он чувствовал мою усталость – безысходную, ожесточенную. Он глядел на меня с болью, с улыбкой. По-братски жалел меня и молча посмеивался надо мной. «Помнишь, братан, толковал я тебе: эти люди до добра не доведут. Эти окаменевшие, безучастные к чужой судьбе люди до добра не доведут!» – говорили его утонувшие в болезненной мути глаза. Надо было спешить. У Шамиля все больше вздувалась нога. Он стал тяжелым, неповоротливым и сильно ослабел от болезни. Близ паромной переправы мы легли прямо у воды, под песчаным бугром. По берегу Терека временами встречались барханчики из рыжего песка. Они напоминали о близости моря. Рыжий песок придавал хоть какую-то солнечную теплоту унылой степи.

Голова Шамиля была напротив моей, чуть повыше. Я видел, как по его щекам, поблескивая, текли слезы. Я видел, как он усилием воли пытался их заглушить в себе, но не мог. Порой его лицо искажала гримаса горя, и он кусал себе губы, чтобы не издать плаксивого звука. Я встал, чтобы не мешать ему, и подошел к берегу Терека. От вбитого в землю бетонного паромного стояка на тот берег тянулся старый заржавевший стальной трос. Посередине реки он провисал и почти касался темной поверхности воды. Скрученный из тысячи тоненьких стальных жил, многие из которых давно полопались, он был как шипованный и грозил ужалить торчащими, словно у ежика, стальными иголочками. Старые, продырявленные паромные бочки валялись на берегу. Кому-то из нас надо было добраться до другого берега по тросу и вернуться обратно на плоскодонной лодке – она виднелась на той стороне, привязанная к паромной стойке. Без нее невозможно было переправить на тот берег Шамиля. Хачбар и Габиб сразу вспомнили о своих еще не затянувшихся ранах, полученных во время потасовки во дворе у Батрби. Они могли бы не намекать на подобные обстоятельства: я сам получил сильный удар прикладом в затылок и ножевое ранение в ногу, которая гноилась и болела при ходьбе. Но я считал неудобным распространяться на этот счет. При Шамиле мне было бы неловко об этом говорить.

– Ансар, надо спешить! Нас могут здесь взять тепленькими, – кашляя в кулак, сказал Габиб. Все закашляли. Кашляли сухим, лающим кашлем. В камышах простудились все.

Смерив взглядом трос, я без лишних слов зажал его в руках и одновременно перехватил ногами. В первое же мгновение, как только я ухватился за него, в обе мои ладони вонзилось сразу несколько ржавых стальных иголок. После нескольких перехватов ладони начали сочиться темной венозной кровью. Но я уже висел над водой. Согнув руки в локте, я пытался действовать так, чтобы торчащие стальные колючки не вонзались в уже пораненные места. Я не дополз еще и до середины, а мои руки и ноги были исколоты, исцарапаны ржавыми иголками из размочаленных стальных жил. Где-то на середине реки моя спина почти полностью погрузилась в воду. Течение Терека подхватывало меня и тянуло в сторону. Большая масса темной воды внушала страх. Невдалеке я слышал всхлипывающее, засасывающее бормотание водоворотов. Ныряя и звонко сталкиваясь друг с другом, неслись куски горного льда. Живое тело полноводной реки пробуждало во мне зуд животного страха. В какой-то миг у меня не стало сил продвигаться дальше. Руки онемели от боли, голова была как в тумане – меня будто настиг болевой шок. Последнюю часть пути я проделал почти бессознательно, на последнем издыхании.

Цепь лодки была привязана к стояку и заперта на висячий замок. Несколькими выстрелами я разорвал ее. Я не имел опыта обращения с лодкой, и меня отнесло течением далеко вниз. Добравшись, наконец, до нашего берега, я спрыгнул в мелководье, сделал лямку из железной цепи и стал тянуть лодку против течения, как бурлак на Волге. Я тащил лодку к месту, где лежал Шамиль. Наступали сумерки, быстро темнело. Вглядевшись в сумрак надвигавшейся ночи, я не поверил своим глазам. Между буграми холмистого берега, среди зарослей камыша виднелись темные фигуры солдат. Солдаты были в касках и с автоматами! Достигнув места, где оставил Шамиля, я увидел, что он лежит, скатившись в воду. Невдалеке – лицом вниз, руки в наручниках за спиной – лежали Габиб и Хачбар. Их пинали ногами милиционеры с пистолетами в руках.

Оставив лодку, я бросился к Шамилю. Судорожно повернул его лицом вверх, но тут кто-то ударил меня в затылок. Что-то треснуло внутри головы – взрыв и короткая вспышка. Помню темную воду, потом холодный железный кузов военного грузовика. Рядом – труп Шамиля.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Хачилав – литературный псевдоним Надыршаха Мугадовича Хачилаева, депутата Государственной Думы РФ. Он приходится родным братом Магомеда Мугадовича Хачилаева – лидера лакского национального движения «Гази-Кумух», председателя дагестанского отделения российского Комитета защиты мира, депутата НС РД, председателя Координационного

совета национальных движений Дагестана, который многое сделал для укрепления мира и согласия между народами Кавказа. К сожалению, имя этой легендарной личности незаслуженно предано забвению. Тогда как в присвоении имен улиц и проспектов Махачкалы происходит что-то непонятное, а подчас они присваиваются неизвестным людям. Что касается Надыршаха Мугадовича, то он всегда поддерживал действия своего старшего брата и был ему верным соратником. (В 1996 г. улица Котрова была названа именем Адама Мугадовича Хачилаева, пятикратного чемпиона СССР по карате. Можно было бы внести коррективы и переименовать ее им. Братьев Хачилаевых). Только неясно, почему не выполняется законное решение Махачкалинского городского Собрания народных депутатов? Характеризуя Надыра, Игорь Леонидович Волгин метко заметил: «хочется увенчать его лаврами дагестанского Хемингуэя». Во время учебы в Альма-матере – Литературном институте имени А.М. Горького Надыршах был увлечен творчеством Эрнеста Хемингуэя, перечитывал его произведения по нескольку раз. Особенно он восхищался романом «Прощай оружие!» Надыршах учился у него технике построения диалога, особой стилистике и замысловатым конструкциям эпитетов. Например, у Хемингуэя вы можете прочитать: «вода была чистая и мокрая». А у Хачилава в повести вам «встретятся»: запущенный и унылый двор, громко и грубо, сонная теплота ее кожи, мрачно и серо и т.д. Кстати сказать, одна из новелл Надыршаха называется «Снега Дульти– дага». Не правда ли, напрашивается параллель со «Снегами Килиманджаро» Хемингуэя? По инициативе главы РД Р.Г. Абдулатипова открыт театр поэзии «От Пушкина до Гамзатова…». 2015 год объявлен Годом литературы в России. Но всё ли мы знаем о нашей литературе, искусстве, культуре? Многие знают Н.М. Хачилаева как религиозного и общественного деятеля, но немногим знаком его творческий портрет. Картины, наполненные философским смыслом, размышлениями о бренности бытия и месте человека в мире исполнены его рукой. Необходимо сделать оговорку, что все они были нарисованы до того, как их автор принял «разумную веру», ставшую мировоззрением, которая различает дозволенное и запретное, а не принятие ее как обряд, обычай или привычку. Кстати сказать, этим же фактом объясняются многие пикантные места в его повести, которые публикуются без купюр. В тонко подмеченных подробностях описания природы, деталях характеров мы чувствуем почерк незаурядного таланта. Природа не поскупилась и щедро одарила его: поэт, художник, бизнесмен, спортсмен. Еще одна черта, сближающая его с Хемингуэем. Ведь Эрнест был отменным боксером, а Надыршах владел черным поясом карате-до. Хемингуэй говорил: «Если ты, черт возьми, честен, то в том, что происходит есть и твоя вина». К сожалению, мы не смогли сберечь бесценный дар для потомков. И в этом частичка и нашей вины…

Хизри Ильясов, Доктор филологических наук